

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И ПРАКТИКА

Дипломатическая служба и практика

№ 2 (2) 2021

Журнал «Дипломатическая служба и практика» издается
Дипломатической академией МИД России ежеквартально с
января 2021 года

Председатель Совета журнала:
Министр иностранных дел Российской Федерации
Лавров Сергей Викторович

Главный редактор журнала:
Ректор Дипломатической академии МИД России,
доктор юридических наук, профессор
Яковенко Александр Владимирович

Заместитель главного редактор:
Проректор по вопросам повышения квалификации и
профессиональной переподготовки,
кандидат исторических наук
Троянский Михаил Григорьевич

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Обращение к читателям

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается новое онлайн-издание – журнал «Дипломатическая служба и практика».

Внешнеполитическая деятельность стала неотъемлемой частью сложной системы межгосударственных связей. В современном стремительно меняющемся мире она приобретает новые формы и грани – как в нашей стране, так и за ее пределами. Следуя велению времени, дипслужба постоянно совершенствуется, продолжает брать на вооружение наилучшие практики и инновационные технологические решения.

Все это сподвигло коллектив Дипломатической академии МИД России к запуску издания, на страницах которого представители Министерства иностранных дел и других органов власти, а также эксперты-международники могли бы изложить свое видение актуальных форм и методов дипломатии, поделиться богатым опытом практической деятельности в данной сфере.

Приглашаю российских и иностранных авторов к публикации своих статей. Убежден, что эти материалы будут в полной мере востребованы как профессионалами, так и всеми, кто интересуется вопросами внешней политики.

С.СЛАВРОВ

17 июля 2020 года

Содержание номера

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

<i>Мохаммед Сануси Баркиндо. Международное энергетическое сотрудничество в эпоху беспрецедентных перемен</i>	4-24
<i>Лассина Зербо. Многосторонние усилия в период пандемии: уроки из передовой практики ПК ОДВЗЯИ</i>	25-42

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Андреев С.В. Дипломатия в «недипломатические» времена</i>	43-52
<i>Лезгинцев Ю.М. О некоторых особенностях консульской работы в условиях пандемии (на примере Генконсульства России в Сан-Паулу Бразилия)</i>	53-60
<i>Мирослав Лазански. Из воспоминаний дипломата-журналиста</i>	61-73

РОССИЯ И МИР

<i>Келин А.В. 100 лет советско-британскому торговому соглашению: актуальный пример здорового прагматизма в двусторонних отношениях</i>	74-85
<i>Нечаев С.Ю. О работе Посольства России в Берлине на военно-мемориальном направлении</i>	86-95
<i>Будаев А.В. Русские первопроходцы в Бразилии</i>	96-103
<i>Галузин М.Ю. Япония: ответ на COVID-19 и российско-японские отношения</i>	104-113
<i>Воробьева Л.Г. Российско-индонезийские отношения: от прошлого к будущему</i>	114-121

ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

<i>Яковенко А.В. Об особенностях дипломатического протокола в пандемию</i>	122-123
--	---------

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

Мохаммед Сануси Баркиндо
Генеральный секретарь ОПЕК

Международное энергетическое сотрудничество в эпоху беспрецедентных перемен

За последние годы Российской Федерации, другим нефтедобывающим странам, не входящим в Организацию стран – экспортеров нефти (ОПЕК), и членам ОПЕК удалось достичь невиданного ранее уровня сотрудничества в сфере энергетики. Этот период был отмечен огромными потрясениями, затронувшими не только нефтяную отрасль, но и весь мир. Всем участникам Декларации о сотрудничестве потребовалось проявить огромную смелость и доказать свою готовность добиться восстановления равновесия и устойчивости нефтяного рынка в интересах производителей и потребителей нефти.

Чтобы понять причины сложившейся ситуации, необходимо вернуться в период 2014–2016 годов, когда мировой нефтяной рынок столкнулся с одним из худших кризисов в своей истории. Превышение

предложения над спросом привело к росту резервов. К июлю 2016 года излишки коммерческих запасов нефти в странах ОЭСР достигли рекордного уровня в 403 млн. баррелей по сравнению со средним пятилетним значением, что дестабилизировало рынок и привело к падению цен на нефть. В период с июня 2014 года по январь 2016 года цена нефтяной корзины ОПЕК снизилась на 80%, что не могло не иметь катастрофических последствий для отрасли.

Нефтяная отрасль оказалась на коленях. Почти полмиллиона человек лишились работы, инвестиции на сумму примерно в триллион долларов были либо заморожены, либо отложены, а число объявивших банкротство компаний побilo все рекорды. Последствия падения цен на нефть ощутили на себе все без исключения производители нефти. Росло беспокойство и среди потребителей.

Нефтяная отрасль не могла себе позволить и дальше двигаться по этой дороге в никуда. Нужно было как-то решать проблемы, которые душили отрасль и оказывали влияние на предложение нефти в тот момент и в перспективе. Объединить народы и страны вокруг этой цели могли только инициатива, гибкость и дипломатический такт.

Масштаб кризиса требовал принятия срочных, скоординированных мер для ликвидации излишков и восстановления равновесия на рынке. Между ОПЕК и другими нефтедобывающими странами начались интенсивные консультации.

В феврале 2016 года в Дохе (Катар) состоялись переговоры между Российской Федерацией, Саудовской Аравией, Венесуэлой и Катаром. В апреле 2016 года обсуждение продолжилось, но уже в расширенном составе, включавшем членов ОПЕК и страны, не входящие в организацию. И хотя соглашения по итогам этого раунда переговоров

заклучить не удалось, консультации по разработке плана спасения отрасли и привлечения к этой деятельности максимального числа стран продолжались еще несколько месяцев.

Наконец, 28 сентября 2016 года в г. Алжир (Алжир) состоялась историческая 170-я внеочередная сессия Конференции ОПЕК. Ее итогом стало принятие всеми странами-членами ОПЕК документа под названием Алжирское соглашение. Кроме того, в рамках сессии были инициированы консультации между членами ОПЕК и не входящими в организацию нефтедобывающими странами.

Декларация о сотрудничестве

Взаимодействие с нефтедобывающими странами, не входящими в ОПЕК, расширялось и принесло свои плоды 10 декабря 2016 года, когда в ходе первой Министерской встречи стран ОПЕК и не входящих в ОПЕК государств была подписана Декларация о сотрудничестве. Согласно этому документу страны ОПЕК, а также 10 других нефтедобывающих стран во главе с Российской Федерацией согласились добровольно скорректировать объемы добычи нефти. В ходе состоявшейся 30 ноября 171-й сессии Конференции ОПЕК члены организации согласовали объемы сокращения добычи.

Решив сократить добычу на 1,8 млн. баррелей в день, государства, подписавшие Декларацию о сотрудничестве, сделали смелый и решительный шаг для спасения оказавшейся в кризисе отрасли, что позволило восстановить доверие не только на нефтяном рынке, но и в масштабах всей глобальной экономики.

Однако хороших намерений недостаточно. Необходимо реализовать их на практике. Инициаторы добровольного снижения

добычи понимали, что нужно создать механизм, которые бы позволил отслеживать выполнение обязательств по Декларации о сотрудничестве в соответствии с заложенными показателями. С этой целью была разработана инновационная концепция, предусматривающая создание Совместного министерского мониторингового комитета (СММК), который стал главным органом, обеспечивающим эффективное взаимодействия между странами ОПЕК и не входящими в ОПЕК государствами.

Помимо отслеживания ситуации с корректировкой объемов добычи в задачи СММК вместе с его вспомогательным органом – Совместным техническим комитетом (СТК), при поддержке Секретариата ОПЕК, входит обеспечение обмена данными. СММК и СТК стали важнейшими составляющими работы ОПЕК и обеспечили институциональное оформление Декларации о сотрудничестве.

С момента подписания Декларации о сотрудничестве прошло больше трех лет, на протяжении которых участники тщательно выполняли добровольно взятые на себя обязательства по корректировке объемов добычи. На регулярной основе велся мониторинг ситуации на нефтяном рынке, который постепенно стабилизировался, не избежав, однако, периодов турбулентности. На протяжении всего этого периода отношения между ОПЕК и Российской Федерацией продолжали развиваться и вышли на новые рубежи. Так, РФ внесла существенный вклад в работу СММК, а министр энергетики РФ Александр Новак стал его сопредседателем. Господин Новак проявил себя искусным дипломатом и во многом способствовал нашему успеху благодаря своему огромному опыту работы в отрасли. Он зарекомендовал себя надежным и заслуживающим доверия

связующим звеном между ОПЕК и не входящими в организацию нефтедобывающими странами, наладив между сторонами постоянную связь.

Господин Новак способствовал развитию и активизации взаимодействия с ОПЕК в рамках энергетического диалога высокого уровня Россия–ОПЕК. Данная инициатива зародилась еще в декабре 2005 года, а первое мероприятие в этом формате состоялось в сентябре 2012 года в штаб-квартире ОПЕК в Вене. С тех пор ежегодные встречи являются важнейшей и чрезвычайно ценной площадкой для обсуждения перспектив развития нефтяного рынка и энергетики в целом. Кроме того, развивается сотрудничество в рамках Группы двадцати, организуются совместные исследования и семинары, осуществляется программа стажировок.

Успешная реализация Декларации о сотрудничестве во многом обусловлена ее поддержкой на высшем уровне в Российской Федерации. Президент РФ Владимир Путин является одним из наиболее активных сторонников этой инициативы. Так, в ходе 22-го Мирового нефтяного конгресса, который состоялся в октябре 2016 года в Стамбуле, он поддержал совместные усилия по стабилизации ситуации на рынке. В апреле 2020 года Владимир Путин принял участие в обсуждении на высочайшем уровне исторических решений, принятых Министерской встречей стран ОПЕК и не входящих в ОПЕК государств по восстановлению равновесия на нефтяном рынке в условиях коронавирусной пандемии. Необычайно важны и сделанные им неоднократно заявления о поддержке всех участвующих стран в связи с исполнением их обязательств по обеспечению устойчивости и стабильности мирового нефтяного рынка.

Российское руководство не только поддерживало Декларацию о сотрудничестве с момента ее подписания, но и разделяло мнение ОПЕК о необходимости создания постоянно действующего, долгосрочного, выходящего за рамки декларации механизма для обеспечения взаимодействия. В результате, 2 июля 2019 года в рамках 6-го Министерского заседания стран ОПЕК и не входящих в ОПЕК государств была подписана Хартия сотрудничества. Она стала постоянно действующей, открытой и прозрачной диалоговой площадкой участвующих стран по обеспечению стабильности нефтяного рынка и содействию сотрудничеству в сфере энергетических технологий и других областях.

Благодаря своему инновационному и инклюзивному характеру Хартия сотрудничества будет способствовать долговременному использованию нефти в качестве ключевой составляющей постоянно меняющегося глобального энергетического баланса, улучшая ее энергетическую эффективность по производственно-сбытовой цепочке и показатели безопасности в плане защиты окружающей среды.

С самого начала действия Декларации о сотрудничестве ее прозрачность, открытость и последовательность документ открыт для подписания любой нефтедобывающей страной – стали ключевыми факторами успеха. Эту инициативу поддержала как нефтедобывающая отрасль, так и ее потребители. Совместными усилиями членам ОПЕК и не входящим в организацию нефтедобывающим странам удалось наладить доверительные отношения и добиться взаимного уважения. Стали ясны пути и способы повышения эффективности наших действий

с учетом растущей сложности и нестабильности, сложившейся в отрасли. Наглядным тому примером стало первое полугодие 2020 года.

2020 год: беспрецедентные сложности

В начале 2020 года никто даже представить не мог, какие невиданные потрясения предстоит пережить миру. Объявленная в марте пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стремительно проникла во все сферы нашей повседневной жизни. Повсеместно вводились режимы самоизоляции, деловой мир замер, экономика оказалась в кризисе, а многие люди лишились возможности выезжать за пределы регионов их проживания.

Невидимый враг молниеносно поразил все отрасли, не обойдя стороной нефтяной сектор. Все без исключения нефтедобывающие страны понесли потери. Никто не устоял. Спрос стремительно падал. Так, в апреле снижение превысило 20 млн. баррелей в сутки. Участникам Декларации о сотрудничестве было необходимо принимать срочные меры.

Это стало возможным благодаря поддержке на высочайшем уровне, в том числе со стороны Президента Владимира Владимировича Путина. По результатам двух внеочередных заседаний 9 и 12 апреля была согласована новая добровольная цель по снижению добычи на уровне 9,7 млн. баррелей в сутки в мае и июне 2020 года. По итогам состоявшегося 6 июня заседания действие этой договоренности было продлено до конца июля 2020 года. Изначально планировалось снизить суточную норму до 7,7 млн. баррелей в период с 1 июля до 31 декабря 2020 года (затем начальная дата была перенесена на 1 августа

2020 года); с 1 января 2021 года до 30 апреля 2022 года устанавливался показатель на уровне 5,8 млн. баррелей.

Эти договоренности стали наиболее масштабной и долгосрочной мерой в истории ОПЕК, формата ОПЕК+ и нефтяной отрасли в целом по восстановлению равновесия и стабилизации рынка в интересах как производителей, так и потребителей. Своей беспрецедентной преданностью делу, единством и решимостью ОПЕК и другие нефтедобывающие страны, подписавшие Декларацию о сотрудничестве, заслужили всеобщее одобрение.

Несмотря на значительное сокращение добычи и стремление нормализовать ситуацию не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе, рынок не мог справиться с беспрецедентным падением спроса, что обернулось очередным историческим крахом: 20 апреля цена на майские фьючерсы на нефть WTI упала на 50 долларов за баррель. Впервые возникла ситуация, когда цены на фьючерсы WTI стали отрицательными. По сути, трейдерам приходилось платить другим участникам рынка, чтобы обеспечить сбыт нефти.

Для рынка это было глубочайшее потрясение. Чтобы понять, насколько резко упали котировки, приведу такой пример: цена нефти WTI была ниже 1 доллара за баррель, когда до завершения операционного дня оставалось менее получаса; за оставшиеся 30 минут она упала еще на 38 долларов, что повергло в шок американский рынок и мировую экономику.

Апрель 2020 года стал одним из самых тяжелых месяцев в истории нефтяной отрасли, за что некоторые даже прозвали его «черным апрелем». Однако к середине мая появились признаки стабилизации.

По мере снятия ограничений в различных странах спрос на нефть постепенно восстанавливался, на соотношение спроса и предложения начали оказывать влияние решения ОПЕК+ о корректировке объемов добычи, а также такие факторы, как прекращение работ на некоторых месторождениях в других странах. О переполнении нефтехранилищ больше речь не шла, и у участников рынка появился проблеск надежды.

В последующие месяцы благодаря предусмотренному в Декларации сокращению добычи удалось выправить курс, и рынок вышел из шторма. Однако очевидно, что предстоит еще немало сделать, поэтому СММК собирается на ежемесячные заседания, на которых отслеживается выполнение обязательств по сокращению добычи и анализируется состояние рынка. Все участвующие страны стремятся обеспечить восстановление объективного равновесия основных показателей нефтяного рынка, снижение запасов нефти и содействовать восстановлению стабильности на рынке.

Преимущества Декларации о сотрудничестве и Хартии сотрудничества

Проблемы, с которыми сталкивается нефтяная отрасль в условиях глобализации и растущей взаимозависимости, становятся все более сложными. Ни один участник рынка не может не только знать ответы на все вопросы, но даже сформулировать эти вопросы. Только совместными усилиями, проявляя гибкость, решимость и прагматизм, мы можем попытаться преодолеть стоящие перед нами трудности. Об этом свидетельствует опыт работы в рамках Декларации о сотрудничестве с момента ее принятия в конце 2016 года, и это подтверждает взаимодействие по Хартии сотрудничества.

Важно помнить, что принятие Декларации о сотрудничестве фактически спасло нефтяной рынок, переживавший спад 2014–2016 годов, и предотвратило его повторение в период 2017–2019 годов, а затем в 2020 году, позволив отрасли вернуться к точке отсчета и встать на путь восстановления. Обеспечив беспрецедентное для отрасли объединение такого количества суверенных стран-производителей нефти, Декларация о сотрудничестве кардинально изменила сферу энергетики. Широкое взаимодействие участвующих стран стало основой и важнейшим фактором становления «нового мира энергетики».

Залогом успеха стали прозрачность и открытость Декларации о сотрудничестве и Хартии сотрудничества, позволяющие любой стране присоединиться к документам. На их основе сформировалось широкое взаимовыгодное партнерство, способное обеспечить желанную для всех стабильность рынка в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Значение Декларации о сотрудничестве отметили как производители, так и потребители нефти. Это проявилось со всей отчетливостью в ходе внеочередной встречи министров энергетики Группы двадцати, состоявшейся 10 апреля 2020 года, то есть между двумя историческими министерскими встречами стран ОПЕК и не входящих в ОПЕК государств 9 и 12 апреля 2020 года. В итоговом заявлении представленные в Группе двадцати страны-производители и потребители подчеркнули обязательство сотрудничать «в духе солидарности», отметили решимость нефтедобывающих стран, подписавших Декларацию о сотрудничестве, добиваться стабилизации энергетических рынков и признали значимость

международного сотрудничества для обеспечения устойчивости энергетических систем.

Принятие Декларации о сотрудничестве положительно сказалось на глобальной экономике, обеспечило в 2017–2019 годах рост мировой торговли и заложило основу для постепенного наращивания инвестиций в отрасли. Кроме того, финансовый рынок и, в частности, нефтяные рынки, поддержали те тенденции, которые были заложены Декларацией, сделав рынок более понятным и предсказуемым.

В отношении ОПЕК – и это распространяется на всех участников Декларации о сотрудничестве – принятие Декларации изменило отношение общественности к организации, подчеркнув важность сотрудничества, поборником которого всегда выступала наша организация. Опыт ОПЕК и принятие Декларации о сотрудничестве наглядно показали, что эти структуры привержены идее международного сотрудничества, способны взаимодействовать с широким кругом стран-производителей, обеспечивать выполнение обязательств и действовать в духе взаимного уважения.

Российская Федерация сыграла ведущую роль в этом историческом сотрудничестве, результаты которого превзошли самые оптимистические прогнозы, показав, каких результатов можно достичь путем конструктивных, последовательных и решительных мер по обеспечению стабильности нефтяного рынка.

Следующим шагом в этом процессе должно стать закрепление достижений, полученных в рамках Декларации о сотрудничестве и Хартии сотрудничества, на основе принципов равенства, справедливости и прозрачности. Активное и широкое сотрудничество станет оптимальным способом преодоления рыночной нестабильности

и кризисов на длительный период, подтверждением чему служат события 2020 года. Только так можно достичь общих целей на благо стран-производителей и потребителей нефти, а также мировой экономики в целом.

Mohammad Sanusi Barkindo,
OPEC Secretary General

An Unprecedented Era of International Energy Cooperation

The Russian Federation, other non-OPEC producers, and OPEC, have in recent years spearheaded an era of unparalleled cooperation in the energy sphere. It has been a period of major upheavals, not only in the oil industry, but across the world, which has required great courage and commitment from all participants in the landmark Declaration of Cooperation (DoC) to help achieve balance and sustainable stability in the oil market, in the interests of both producers and consumers.

The background to this can be traced back to the period between 2014 and 2016 when the global oil market experienced one its worst downturns in history. With supply exceeding oil demand growth, bloated inventories saw the OECD commercial stock overhang soar to a then record high of about 403 million barrels (mb) over the five-year average in July 2016. The period triggered significant market volatility with oil prices collapsing; the OPEC Reference Basket price fell by a devastating 80% between June 2014 and January 2016.

This situation brought the oil industry to its knees. Nearly a half of million people lost their jobs, an estimated one trillion dollars in investments were either frozen or deferred, and a record number of companies filed for bankruptcy. Every producer was feeling the consequences, and consumers were expressing concerns too.

The oil industry could not continue along this dark path. Something had to be done to tackle the major stresses that were suffocating the industry, and impacting current and future supplies. It would require leadership, flexibility and diplomacy in bringing people and nations together.

The scale of the crisis required an urgent, coordinated response to help reduce the massive stock overhang and rebalance the oil market. Thus, a frenetic flurry of consultations between OPEC and other oil producers got underway.

In February 2016, talks were initiated in Doha, Qatar between the Russian Federation Saudi Arabia, Venezuela and Qatar. Follow-up discussions were held in Doha again in April 2016 with a larger group of OPEC and non-OPEC nations. While these did not lead to a broad agreement, the critical consultations to rally support and help devise a rescue plan for the industry continued in the months that followed.

This would eventually lead to the historic 170th (Extraordinary) Meeting of the OPEC Conference in Algiers, Algeria, on 28 September 2016. The outcome of the meeting has been dubbed the 'Algiers Accord' with all OPEC Member Countries coming together. Moreover, it also set in process consultations between OPEC and non-OPEC oil producing countries.

The Declaration of Cooperation

The outreach to non-OPEC producers gathered momentum and eventually bore fruit on the 10 December 2016 with the signing of the DoC at the first OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting, and voluntary production adjustments, between OPEC Member Countries and 10 non-OPEC producing nations, led by the Russian Federation. This followed OPEC Member

Countries agreeing to production adjustments at the 171st Meeting of the Conference on 30 November.

With production adjustments totaling 1.8 million barrels a day (mb/d), DoC participants. Took a courageous and proactive stance to help rescue an industry that was caught in a downward spiral, thereby helping restore confidence not only in the oil market, but in the global economy in the following years.

Having good intentions is one thing; operationalizing them is another. Those behind the voluntary production adjustments understood the necessity of developing a mechanism to monitor the implementation of and conformity with the adjustments. To achieve this, an innovative concept was devised, one which has evolved into a 'crown jewel' of OPEC's cooperation with its non-OPEC partners in its own right: the JMMC.

Beyond monitoring the adjustments, the JMMC was also tasked, alongside its support body, the Joint Technical Committee (JTC), and with assistance from the OPEC Secretariat, to be a platform for knowledge exchange. The JMMC and the JTC have evolved into critical components of the work of OPEC and provided an institutional framework for the DoC.

The three years that followed the signing of the DoC were characterized by disciplined implementation of the voluntary production adjustments; regular monitoring of the oil market conditions; and a gradual, albeit bumpy at times, stabilization in the oil market. During this period the OPEC-Russian Federation relationship continued to flourish and reach new milestones, with the Russian Federation and His Excellency Alexander Novak, Minister of Energy, a key contributor as co-Chair of the JMMC. HE Novak's skilled diplomacy and deep industry experience have contributed greatly to our success, and he is widely viewed as the reliable and

dependable bridge between OPEC and non-OPEC –an ‘umbilical cord’ binding the two.

He has also helped forge a stronger and more robust platform for the annual OPEC-Russia High-level Energy Dialogue, which goes from strength-to-strength. The origins of this initiative date back to December 2005 and the inaugural edition of the current series of High-level OPEC-Russia Energy Dialogues began in September 2012 at the OPEC Secretariat in Vienna. Since then, this annual event has risen in stature to become a vital and valuable forum for the exchange of oil and energy outlooks, and we have also seen collaboration on the G20 platform, established joint studies and workshops and evolved an internship programme.

The staunch support and the leadership at the very highest levels of government in the Russian Federation has been vital to the success of the DoC. The President of the Russian Federation, His Excellency Vladimir Putin, has been a leading advocate of this endeavour. This includes his positive intervention at the 22nd World Petroleum Congress in Istanbul in October 2016, in support of joint market stabilizing efforts, and most recently his personal intervention in discussions at the highest levels in April 2020 to help deliver the historic OPEC and non-OPEC Ministerial decisions to address the severe oil market imbalance as a result of the COVID-19 pandemic. His continued pledges of support of all participating countries for their ongoing commitment and contributions to sustainable stability in the global oil market are vital.

Russia’s leadership not only supported the DoC from the outset, but they saw the need, as did OPEC, for the creation of a permanent, long-term framework for cooperation that would extend beyond the limits and scope of the Declaration. This led to the signing of the Charter of Cooperation at

the 6th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting on the 2 July 2019. The Charter is a permanent, open and transparent platform for dialogue among participating countries with the goal of promoting oil market stability and cooperation on energy technology and other areas.

This innovative and inclusive CoC framework will also look to enable the long-term use of oil as a key element in the ever-shifting global energy mix while also boosting energy efficiency across the value chain and helping improve the environmental credentials of oil.

The DoC's transparency, accessibility and continuity from the very beginning – it is open to all producers – has been a key part of its success. It has also received backing from other producers, as well as from consumers. The common efforts of OPEC and its non-OPEC partners helped forge a lasting bond of trust and mutual respect. It helped cast a new blueprint for how to optimize our efforts in an industry that has become increasingly complex and volatile. This was clear for all to see in the first half of 2020.

2020: An Unprecedented Challenge

When the year 2020 began no-one could have predicted the unprecedented upheaval that would beset the world. From March onwards, the COVID-19 pandemic very quickly pervaded almost every aspect of our daily lives, with widespread lockdowns, businesses shuttered in, economies in distress and most people confined to travel in their local area.

Every economic sector was impacted by this fast moving, but silent invader. This was clearly evident in global oil. Every producer was impacted; no-one had immunity. Demand was dropping fast, with April

seeing daily drops of more than 20 mb/d. The situation required decisive action from the DoC.

This came in the form of support from the very highest levels of government, including President Putin, and in two Extraordinary Meetings on April 9 and 12 that saw new voluntary production adjustments: 9.7 mb/d, in May and June 2020, which was extended to July 2020 at ministerial meetings on June 6; 7.7 mb/d from 1 July 2020 (later shifted to 1 August 2020) to 31 December 2020; and 5.8 mb/d from 1 January 2021 to 30 April 2022.

These are the largest and longest in the history of OPEC, OPEC+ and the oil industry, with the focus on rebalancing and stabilizing the market, in the interests of both producers and consumers. This unparalleled commitment, and the unity and courage for the common cause of oil market stability from OPEC, and non-OPEC participants in the DoC was widely welcomed.

While the scale of the production adjustments was massive, and focused not only on the immediate short-term, but a longer-term recovery path too, the market was still digesting the unparalleled demand decline and this resulted in another historic happening on April 20, with the WTI futures price (May 2020) crashing by more than \$50/b. It led to WTI future prices moving into previously uncharted, negative territory. It meant traders were essentially paying other market participants to take oil off their hands.

It was a visceral moment for the market. To put the abrupt nature of the price slide into some context – WTI broke below \$1/b less than a half hour before the settlement, but in those final 30 minutes it dropped another \$38. The crash sent shockwaves through the US market, and globally too.

April 2020 was one of the most challenging months in the oil industry's history, with some calling it 'Black April'. However, by mid-May there were some tentative signs that the market was stabilizing. Oil demand had started to bounce back as countries took steps to ease the lockdowns, the OPEC+ production adjustments that began on May 1 and production shut-ins elsewhere were already impacting the supply-demand balance. There was now no talk of inventories reaching tank tops and market sentiment was seeing some glimmers of hope.

In the months since, the DoC production adjustments have helped the market right the ship and steer a course out of the stormy waters, although it is evident that more work stills to be done, which is why the DoC is now holding monthly JMMCs to monitor conformity to the adjustments and the state of the market. All participating countries are focused on the objective of rebalancing oil market fundamentals, further drawing down stocks and helping return a sustainable stability to the market.

The Benefits of the DoC and CoC

In an ever more interdependent and global market, the challenges which this industry faces are inherently complex. No single stakeholder possesses all of the answers or, indeed, knows all of the questions. It is only through working together, with flexibility, commitment and pragmatism, that we can hope to surmount the obstacles we face. This has been proven since the beginning of the DoC at the end of 2016, and is now becoming apparent in the CoC.

It is important to remember that the DoC literally rescued the oil industry from its 2014-2016 downturn in 2017-2019, and in 2020, it has enabled the industry to reset itself, and navigate a path to recovery. The

DoC has fundamentally changed the energy landscape. Bringing together so many sovereign producing nations is unparalleled in the history of the oil industry. The enhanced relations between participating countries now constitute a fundamental and essential feature of the 'new world of energy.'

The transparency and accessibility of the DoC and CoC platforms – they are open to all producers – has been vital to its success. It has evolved into a broader continuity partnership that can work for everyone, across all timeframes, to help deliver the sustainable market stability we all desire.

The importance of the DoC has also received backing from other producers, as well as from consumers. This was clearly evident at the G20 Extraordinary Energy Ministers Meeting on April 10 that sandwiched the two historic OPEC and non-OPEC Ministerial Meetings on April 9 and 12. With both producers and consumers participating, the statement from the G20 meeting emphasized a commitment to work together “in the spirit of solidarity”. It also recognized the commitment of the producers in the DoC group to stabilize energy markets and acknowledged the importance of international cooperation in ensuring the resilience of energy systems.

It has had a positive impact on the global economy, and in 2017-2019 trade worldwide increased, helped by the stimulus provided through the DoC. In this period it also provided a platform that enabled industry investment to gradually pick up. Additionally, the financial markets, in general, and the financial oil market, in particular, have welcomed the forward guidance provided by the DoC. It has given them a sense of understanding and security.

For OPEC, and this transcends to all DoC participants, has caused a significant change in industry-wide and public perceptions of OPEC and the benefits of cooperation that the Organization has always espoused. OPEC

and the DoC have ably demonstrated its credentials as a bodies committed to international cooperation, working with an array of producers, honouring commitments and promoting mutual respect among all nations.

The impact of the historic cooperation, with the Russian Federation playing a leading role, has exceeded even the most optimistic of predictions. It underscores what can be accomplished through a constructive, continuous and fully committed approach to helping achieve a sustainable oil market stability.

The next critical phase in the whole process is to sustain the accomplishments that have been made, through both the DoC and CoC, and continuing to be based on the core principles of equity, fairness and transparency. In the years ahead, robust and expanded cooperation will be the most effective way forward to counter volatility and shocks, as witnessed so clearly in 2020, and achieve common goals, for the benefit of producers, consumers and global economy.

Лассина Зербо

Доктор геофизики,
Исполнительный секретарь
Подготовительной комиссии
Организации по Договору о
всеобъемлющем запрещении ядерных
испытаний (ПК ОДВЗЯИ)

Многосторонние усилия в период пандемии: уроки из передовой практики ПК ОДВЗЯИ

Введение

Пандемия COVID-19, которая в западных странах рассматривается как самый тяжелый кризис с периода Второй мировой войны, привела к принятию мер, сопоставимых с условиями военного времени. COVID-19 затронул все сферы нашей жизни, дополнив и без того перегруженную глобальную повестку дня. Исторически сложилось так, что система международных отношений зачастую реформировалась после крупных войн и конфликтов, – в 1815, 1919 или 1945 гг. Пока трудно с уверенностью утверждать, в каком направлении сместится баланс сил в этот раз.

В пессимистических сценариях мир после COVID-19 изображается как менее процветающий, менее открытый и менее взаимозависимый. Вопрос в том – стоит ли международному сообществу смириться с этим.

В этой статье, посвященной основной теме журнала – дипломатической практике, я поделюсь некоторыми мыслями о влиянии COVID-19 как в политическом, так и в организационном плане на Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), а также на сферы разоружения и нераспространения ядерного оружия в целом.

Многосторонние действия в области разоружения в условиях пандемии

Сегодня все чаще слышатся предупреждения о дефиците доверия, который влияет на многосторонние правовые инструменты и институты. Односторонние действия серьезно препятствуют усилиям по поиску долгосрочных и устойчивых решений. Это вызывает особую тревогу в контексте по-настоящему экзистенциальной для человечества угрозы – применения ядерного оружия.

В этом году стрелки часов «Судного дня» Бюллетеня ученых-атомщиков были снова переведены на 100 секунд до полуночи. В последнее время много было сказано о кризисе архитектуры ядерного нераспространения и контроля над вооружениями. Прекращение действия ДРСМД наряду с хрупкостью других соглашений в области нераспространения, разоружения и контроля над вооружениями, требуют коллективных действий.

Сегодня проблема заключается в том, каким образом, особенно в свете предстоящей Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), международное сообщество могло бы объединиться для восстановления доверия и укрепления веры в диалог, смены конфронтации на сотрудничество.

Как мы можем активизировать многосторонние усилия для противостояния глобальным вызовам, а также обеспечения приоритетного внимания к международно признанным, надежным и поддающимся проверке инструментам в области разоружения? Существует три ключевых аспекта.

Во-первых, мы должны учиться на своем прошлом опыте. В прошлом году исполнилось 50 лет со дня вступления в силу ДНЯО. Договор был заключен в напряженной обстановке в годы холодной войны, и его успех никогда не был предопределен. Тем не менее, ДНЯО был, есть и останется «золотым стандартом ядерного нераспространения». Хотя на следующей Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, возможно, не удастся принять консенсусный итоговый документ о мерах по укреплению Договора, еще не все потеряно. Важно учитывать, что ДНЯО остается одним из наиболее универсальных договоров, а также платформой для сотрудничества, отчетности и целенаправленных действий в области ядерного нераспространения, разоружения и использования ядерной энергии в мирных целях.

Во-вторых, необходимо, чтобы новые инициативы дополняли и укрепляли ДНЯО. Рост напряженности и растущее недоверие среди государств-членов ООН затронули и сферу разоружения. Вступивший в силу Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) привел к расколу между государствами, обладающими ядерным оружием, и государствами, им не обладающими. В 2021 г. исполнилось 75 лет со дня принятия резолюции ГА ООН в поддержку создания Комиссии, задача которой – добиваться «исключения из национальных арсеналов ядерного оружия и всех других основных видов оружия массового

уничтожения». Международное сообщество должно сосредоточить внимание на укреплении духа консенсуса и поддающихся контролю мерах.

Наконец, международное сообщество должно извлекать выгоду из того, что уже имеет в своем арсенале. Ратификация ДВЗЯИ дает возможность как снизить угрозу новой гонки ядерных вооружений, так и укрепить внутреннее доверие посредством научного сотрудничества и обмена данными. Для участников ДВЗЯИ это представляет собой первый конкретный шаг к ядерному разоружению. Он также демонстрирует важность науки и незаменимую роль ученых в будущем мировом порядке.

Успешное создание механизма проверки ДВЗЯИ является результатом колоссальных коллективных инвестиций. Государства-участники внесли существенный финансовый вклад на сумму более 1 миллиарда долларов. Они вложили свое время, энергию и ресурсы, чтобы содействовать созданию самого масштабного из существующих верификационных механизмов. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти инвестиции не были потрачены впустую.

Несмотря на финансовые трудности, с которыми сталкивается большинство стран из-за пандемии COVID-19, уровень сбора начисленных взносов в бюджет ПК ОДВЗЯИ остается высоким. Это отражает твердую приверженность участников ДВЗЯИ и их интерес к работе Организации.

Современное состояние ДВЗЯИ

Цель ДВЗЯИ – обеспечить проверяемый запрет на проведение ядерных испытаний всеми без исключения государствами,

повсеместно и навсегда. Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний – один из первоначальных пунктов международной повестки дня в области ядерного разоружения, впервые предложенный более шести десятилетий назад.

ДВЗЯИ по-прежнему остается в фокусе внимания на международной арене. Значение Договора, важность его вступления в силу и универсализация – цели, которые разделяют во всем мире. Как подчеркнул Президент России Владимир Путин по случаю 20-летия подписания ДВЗЯИ, «выработка этого документа стала в свое время большой победой международной дипломатии, свидетельством её эффективности в решении самых насущных проблем глобальной безопасности».

Несмотря на то, что ДВЗЯИ не вступил в силу, он пользуется практически всеобщей поддержкой. Договор де-факто закрепил международную норму против проведения ядерных испытаний. В отличие от самых мрачных дней холодной войны, когда ядерные испытания были обычным явлением, с момента открытия ДВЗЯИ для подписания в 1996 г. и по настоящее время международное сообщество единогласно осуждает любое подобное действие. Подтверждением тому служит реакция на каждое ядерное испытание КНДР – единственное государство, которое провело испытательный ядерный взрыв в XXI веке.

ДВЗЯИ – один из наиболее универсальных инструментов контроля над вооружениями и международной безопасности. В настоящее время Договор подписали 185 государства и 170 – его ратифицировали. Тем не менее, ДВЗЯИ еще не стал юридически обязывающей нормой, поскольку все еще остаются восемь государств

из Приложения 2 к Договору, которые должны для вступления ДВЗЯИ в силу ратифицировать его: Египет, Индия, Иран, Израиль, Китай, КНДР, Пакистан и США. Российская Федерация, ратифицировавшая Договор более двадцати лет назад, была и остается его последовательным и важным сторонником. В свете приближающейся 25-й годовщины подписания ДВЗЯИ требуется еще больше усилий на этом направлении.

Без необходимых остающихся восьми ратификаций международное сообщество не застраховано от возврата к эпохе ничем не сдерживаемых ядерных испытаний. Это имело бы катастрофические последствия для региональной и глобальной стабильности, а также для международного мира и безопасности в целом. История учит нас, что нормы и добровольные моратории никогда не смогут заменить юридически обязывающий и надежно проверяемый запрет на ядерные испытания.

Советский Союз, Великобритания и США вводили моратории на ядерные взрывы в период с 1958 по 1961 гг., когда в Женеве шли переговоры о прекращении ядерных испытаний. Однако изменение геополитических обстоятельств и рост напряженности между Соединенными Штатами и Советским Союзом привели к провалу переговоров. Вскоре после этого две сверхдержавы возобновили свои программы ядерных испытаний и провели с 1961 по 1962 гг. больше ядерных взрывов, чем за все предыдущее десятилетие.

По этой причине мы продолжаем прикладывать усилия, направленные на укрепление мер доверия, повышение осведомленности и взаимодействие с государствами, включенными в Приложение 2. Это делается с целью создания надлежащих условий на

глобальном и региональном уровнях в интересах принятия этими странами положительного решения о подписании или ратификации Договора.

Что касается верификационного механизма Договора, то процесс его создания близится к завершению. Усилия на этом направлении привели к достижению высокого уровня готовности и зрелости данного механизма, что было неоднократно и при различных обстоятельствах продемонстрировано на практике. COVID-19 стал стресс-тестом для нашей Организации, показавшей ее устойчивость, бесперебойное функционирование и способность быстро адаптироваться к новым реалиям и вызовам.

С учетом того, что основой работы Организации является ее технический мандат, крайне важно было обеспечить устойчивое функционирование Международной системы мониторинга (МСМ). В условиях кризиса ПК ОДВЗЯИ сосредоточила свои основные усилия на мерах по нивелированию его последствий для бесперебойной работы станций МСМ.

Несмотря на пандемию, строительство и сертификация станций МСМ не прекращались. Работа продолжалась даже в самых удаленных труднодоступных местах с суровыми погодными условиями. В октябре 2020 г. ПК ОДВЗЯИ успешно провела дистанционную сертификацию радионуклидной станции RN55 в Российской Федерации, которая стала первым примером удаленной сертификации объекта МСМ за всю историю Организации.

Для ввода в эксплуатацию этой станции, которая является важной составляющей российского сегмента МСМ, потребовалось больше времени, чем обычно, главным образом, из-за ее удаленного

местоположения. Всего четыре радионуклидных станции МСМ расположены за полярным кругом, две из них – на территории Российской Федерации. Тесное сотрудничество между ПК ОДВЗЯИ и оператором станции – Службой специального контроля (ССК) 12-го Главного управления Минобороны России, возглавляемой Игорем Токаревым, – позволило преодолеть технические и климатические трудности, а также сбои, вызванные пандемией COVID-19.

Успех дистанционной сертификации является свидетельством инновационного подхода в обеспечении непрерывной работы. Удаленная сертификация продемонстрировала важность эффективного планирования, одновременно с этим показав большую зависимость проекта от поддержки со стороны национальных властей. Одним из ключевых факторов, способствовавших выполнению данной миссии, стала работа местных операторов станции, прошедших обучение в ССК, а также подрядчиков, которые в сотрудничестве с коллегами из Временного технического секретариата ПК ОДВЗЯИ в Вене оказывали содействие удаленной сертификации.

В результате создание российского радионуклидного сегмента МСМ, составляющего 10% от всей системы мониторинга, полностью завершена. Готовность всего механизма проверки ДВЗЯИ также близится к окончанию.

ПК ОДВЗЯИ также продолжает подготовку к вступлению Договора в силу путем совершенствования режима инспекций на месте (ИНМ). Подготовка данного режима включает проведение различных типов учений для отработки сценариев, обучения, а также другую деятельность, направленную на поддержание оперативной готовности средств контроля. После успешного проведения и оценки

интегрированных полевых учений по ИНМ в 2008 и 2014 гг. наступил следующий этап развития режима ИНМ. С 2016 г. эксперты из Российской Федерации проходили обучение в рамках третьего цикла подготовки будущих инспекторов по ИНМ и по настоящее время продолжают принимать участие в курсах, направленных на повышение квалификации. К сожалению, пандемия не позволила провести запланированные на 2020 г. учения по отработке сценариев ИНМ. Все очные мероприятия в рамках сегмента ИНМ отложены до нормализации эпидемиологической обстановки в мире. Тем не менее, работа по операционализации механизма ИНМ продолжается. Несмотря на ограничения на поездки, вызванные COVID-19, активное внедрение инновационных онлайн-технологий позволило сохранить эффективность наших программ и обеспечить возможность широкого участия специалистов.

Режим контроля ДВЗЯИ, а также связанные с ним технологии и данные также играют важную роль в гражданских и научных целях. Например, ПК ОДВЗЯИ сотрудничает с ЮНЕСКО в области раннего предупреждения о цунами. Мы представили своевременную и достоверную информацию о выбросах радиоактивных веществ во время аварии на АЭС Фукусима.

Благодаря качеству и точности данных, ПК ОДВЗЯИ теперь является членом Комитета по радиологическим и ядерным аварийным ситуациям (IACRNE). Эта структура отвечает за координацию деятельности соответствующих международных межправительственных организаций при реагировании на ядерные и радиологические аварийные ситуации и подготовке к ним.

Кроме того, в контексте COVID-19 опыт ПК ОДВЗЯИ в области раннего предупреждения и готовности к чрезвычайным ситуациям, с использованием достоверных данных, рассматривается как потенциальная модель для системы раннего предупреждения о пандемии.

Взгляд в будущее

Сегодня международное сообщество не может позволить себе иметь узкий круг личных интересов и при этом рассчитывать на процветание. Поиск многосторонних решений проблем XXI века остается единственным жизнеспособным подходом. В интересах продвижения нашей общей цели – безопасного мира – необходимо прилагать усилия и задействовать ресурсы для многостороннего подхода к решению актуальных проблем. Хорошая новость заключается в том, что многие из необходимых нам многосторонних структур уже существуют: от «площадок» по борьбе с изменением климата до организаций в сфере международного развития и контроля над вооружениями. Более сложная задача – обеспечить их сохранность и эффективное функционирование.

COVID-19 напомнил международному сообществу о том, что глобальные угрозы не признают политических границ. Это в равной степени касается ядерных испытаний и распространения ядерного оружия. Немало свидетельств тому, как «чужие» проблемы быстро становятся «нашими». С этой точки зрения, COVID-19 выявил необходимость в открытых каналах связи, согласованных системах отчетности, общих планах действий в чрезвычайных ситуациях и действующих договорах.

Нынешний кризис подчеркивает ценность многостороннего сотрудничества, мер укрепления доверия и совместного предотвращения угроз. Сегодня «устойчивость», «партнерство» и «солидарность» – не пустые слова. Они перекликаются с усилиями по борьбе с актуальными международными вызовами и находят отклик в мировом сообществе.

PUTTING AN
END TO NUCLEAR
EXPLOSIONS

Article
Diplomatic Service and Practice Journal
Dr Lassina Zerbo
Executive Secretary

Introduction

Seen in the Western hemisphere as the worst crisis since World War II, the COVID-19 pandemic has led to the adoption of measures comparable to those in war time. COVID-19 has affected all spheres of our lives, adding to the already overburdened global agenda. Historically, the international system has often been reformed after major wars and conflicts, be it 1815, 1919 or 1945.¹ The question remains – in which direction will the balance shift.

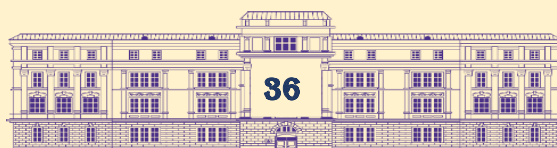
A pessimistic scenario depicts the post-COVID-19 world as less prosperous, less open and less globalized. The question is whether one should resign oneself to such a possibility.

In this article, focused on the main theme of the journal publishing it, – diplomatic practice, I will share some thoughts on the effects of the ongoing COVID crisis, both politically and organisationally, on the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and the disarmament and non-proliferation sphere more generally.

Multilateral disarmament efforts in times of pandemic

Today, more and more voices are warning about a trust deficit, increasingly affecting multilateral legal instruments and institutions. Unilateralism presses hard against efforts to seek long-term and durable solutions. This is particularly troubling in view of one of the truly existential issues, facing humanity – the nuclear threat.

¹ Kemp, W. (2020, March 24). Cooperation and Corona. *Cooperative Security Initiative*. Retrieved from <https://www.cooperative-security-initiative.org/cooperation-and-corona-by-walter-kemp/>

Last year, the Bulletin of the Atomic Scientists' doomsday clock has been set as close as 100 seconds to midnight. This year, it has still remained in this critical zone. Much has been said recently about the crisis of the nuclear non-proliferation and disarmament architecture. The demise of the INF Treaty alongside the fragility of other non-proliferation, disarmament and arms control agreements, demand collective action.

The challenge today, especially in light of upcoming NPT Review Conference, is how the international community can come together to rebuild trust and strengthen faith in dialogue over confrontation. How can we reinvigorate multilateralism to confront global challenges, and how can we ensure that internationally accepted, robust and verifiable disarmament instruments get prioritized? There are three key points.

First, we should learn from our past experiences. Last year marked the 50th anniversary of the entry into force of the NPT. The Treaty was concluded amidst the Cold War tensions and its success was never foreordained. But it was, is and will remain the "gold standard of nuclear non-proliferation". While the next NPT Review Conference may or may not succeed in adopting a consensus final document on measures to strengthen the implementation of the NPT, all is not lost. It is instructive to consider that the NPT remains one of the most adhered-to treaties and continues to provide a platform for cooperation, accountability and goal-oriented action on nuclear non-proliferation, disarmament and peaceful uses of nuclear energy.

Second, it should be ensured that new initiatives complement and strengthen the NPT. The divides, rising tensions and growing distrust amongst UN Member States has touched the disarmament sphere, too. The entry into force of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons has led to rifts between nuclear weapons' and non-nuclear weapons' states. 2021 has marked the 75th anniversary of the UN General Assembly's resolution, establishing a commission to advance "the elimination from national armaments of atomic weapons and all other major weapons adaptable to mass destruction". The international community should focus on consensus-building and verifiable measures.

With this in mind, finally, the international community should capitalize on what it already has. Ratifying the CTBT provides both an opportunity to lower the prospects of a new nuclear arms race and an opening to build deeper internal trust via scientific cooperation and verifiable data sharing. For the

CTBT signatories this represents a first concrete step towards nuclear disarmament. It also showcases the importance of science and the indispensable role of scientists in a future global order.

The successful development of the CTBT's verification regime is a product of enormous collective investments. Member States have contributed substantial financial support valued at more than \$1 billion dollars. They have invested their time, energy, and resources to help put in place the most expansive verification regime ever designed. We must all strive to ensure that these investments are protected.

Despite financial difficulties facing most States due to the COVID-19 pandemic, the collection rate of assessed financial contributions remains high. This reflects the strong commitment of States Signatories to the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and their interest in the work of the Organization.

The current status of the CTBT

The objective of the CTBT is to put a verifiable end to nuclear test explosions by everyone, everywhere, and for all time. A comprehensive nuclear test ban is one of the oldest items on the international nuclear disarmament agenda, first proposed more than six decades ago.

The CTBT continues to receive high attention on the international stage. The significance of the Treaty and the importance of achieving its entry into force and universalization are broadly acknowledged. As highlighted by Russia's President Vladimir Putin on the 20th anniversary of the signing of the CTBT, "This treaty was a great victory for international diplomacy at the time and showed just how effective such diplomacy can be at resolving the greatest challenges to global security"¹.

Although the CTBT has yet to enter into force, the Treaty enjoys near-universal support. The Treaty has solidified the *de facto* international norm against nuclear testing. In stark contrast with the darkest days of the Cold War, when nuclear testing was commonplace, since the CTBT's opening for

¹ Statement by the President of Russia on the 20th anniversary of the signing of the CTBT. (2016, April 11). *CTBTO Preparatory Commission*. Retrieved from <https://www.ctbto.org/press-centre/highlights/2016/statement-by-the-president-of-russia-on-the-20th-anniversary-of-the-signing-of-the-ctbt/>

signature in 1996 to the present time, the international community is unanimous in its condemnation of any violation of this norm. This has been the case with each of the nuclear tests by the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) – the only State to carry out a nuclear test explosion in the 21st century.

The CTBT is one of the most adhered-to arms control and international security related instruments. There are now 185 States that have signed the Treaty, of which 170 have ratified. Nonetheless, the CTBT has not yet become legally binding international law, since we still have eight Annex 2 States remaining that must ratify the Treaty in order to achieve its entry into force: Egypt, India, Iran, Israel, China, the DPRK, Pakistan and the United States of America. The Russian Federation that ratified the Treaty more than twenty years ago has been and is a strong and valued supporter of the CTBT. And more is needed in light of the upcoming 25th anniversary of the Treaty signature.

Without these eight remaining ratifications in place, the international community has no insurance against a return to an era of unrestrained nuclear testing. This would have disastrous implications for regional and global stability, as well as international peace and security more broadly. History teaches us that norms and voluntary moratoria can never substitute for a legally binding and credibly enforceable nuclear test ban.

There were moratoria on nuclear testing by the United States, the Soviet Union, and the United Kingdom from 1958 – 1961 as negotiations were taking place on a nuclear test ban in Geneva. However, changing geopolitical circumstances and a rise in tension between the United States and the Soviet Union led to a collapse of the negotiations. Soon afterward, the two superpowers resumed their nuclear test programmes and carried out more nuclear tests between 1961 and 1962 than in the whole of the previous decade.

This is why we are continuing our work on confidence building, education and outreach with the Annex 2 States. This is done with the aim of creating the right conditions globally and regionally that would be conducive for positive consideration of their signature and/or ratification of the Treaty. With regard to developments related to the Treaty's verification regime, the system is nearing completion. The progressive build-up of the system has resulted in a level of maturity, readiness, and relevance that has been

demonstrated on numerous occasions and in a variety of circumstances. COVID-19 has been a stress test for our Organization, which has proven its functionality and resilience, swiftly adapting to the new realities and the challenges posed by the crisis.

With the technical mandate being at the core of the Organization's work, it was of crucial importance to ensure that the operations of the International Monitoring System (IMS) continue functioning impeccably. CTBTO focused its main efforts on mitigation measures to increase the IMS stations' resilience.

Notwithstanding the crisis, the build-up and certification of the IMS did not stop, either. Work continued even in the most remote locations, defined by harsh weather conditions and difficult accessibility. In October 2020, CTBTO successfully completed its first-ever remote certification of an IMS facility - Radionuclide station RN55 in the Russian Federation.

This station, a crucial part of Russia's segment of the IMS, has taken longer to be put into operation, primarily due to its location. Only four IMS radionuclide stations, including two hosted by the Russian Federation, are located above the Arctic Circle. Close cooperation between CTBTO and the Station operator - Special Monitoring Service of the 12th Main Directorate of the Ministry of Defence, headed by Igor Tokarev, enabled to overcome the technical and climate challenges, as well as disruptions brought in by the COVID-19 pandemic.

The success of this remote certification is a showcase of innovation and business continuity. This remote, virtual certification has equally highlighted the importance of quality planning and greater reliance on support of the national authorities. The local operators trained by the Special Monitoring Service, as well as the support of the local contractor, which competently assisted the remote certification process in cooperation with the CTBTO colleagues based in Vienna, were among the key factors facilitating this mission.

As a result, Russian radionuclide segment of the IMS, that is 10 % of the entire IMS, has been completed with the full establishment of the CTBT verification system well within reach.

The CTBTO is also continuing to prepare for entry into force by strengthening its on-site inspection (OSI) capabilities. The development of the OSI element includes conduction of various types of exercises to test OSI scenarios, training and other activities aimed at sustaining OSI operational readiness. Following the conclusion and evaluation of the OSI Integrated Field Exercises (IFE) in 2008 and 2014, we are now in a new cycle of OSI development. Since 2016, experts from the Russian Federation have been trained as surrogate inspectors in the Third OSI Training Cycle and continue up to date to participate in capacity building trainings. The COVID-19 pandemic did not unfortunately allow to hold the planned new Build-Up Exercise (BUE) foreseen for 2020. All in-person events have been postponed until the epidemiological situation is normalized globally. However, the work to operationalize the OSI mechanism continues. Notwithstanding travel restrictions due to COVID-19, active implementation of innovative online technologies has enabled to maintain the efficiency of our trainings and a broad participation of experts.

The CTBT verification regime and its associated technologies and data have also proven valuable for civil and scientific purposes. For example, the CTBTO cooperates with UNESCO in the area of tsunami early warning. We provided timely and trustworthy information on the dispersion of radiation during the Fukushima nuclear power plant accident.

In recognition of the quality and accuracy of its data, the CTBTO is now a member of the Inter-agency Committee on Radiological and Nuclear Emergencies (IACRNE). The committee is tasked with coordinating among relevant international intergovernmental organizations in preparing for and responding to nuclear and radiological emergencies.

In addition, in the context of the COVID-19, CTBTO experience in early warning and emergency preparedness based on trusted data is being considered as a potential model for a Pandemic Early Warning System¹.

Vision of the future

The international community cannot afford today to pursue narrowly defined self-interest and expect to thrive and prosper. Seeking multilateral

¹ Csefalvay, C., & Foldi, T. (2020, May 3). PAWS: Towards a globally integrated outbreak surveillance system for public health. *Zenodo*. Retrieved from <https://zenodo.org/record/3782877#.Xw19d20zZaR>

solutions to twenty-first century challenges remains the only viable approach. If we are ever to advance our shared objective of a world of peace, security, and prosperity, we need to invest our efforts and resources in building the case for multilateralism. The good news is that, from climate change action to international development to arms control, many of the multilateral structures we need already exist. The more difficult part is making sure they stay protected and nurtured.

COVID-19 has been a stark reminder that global threats do not respect political borders. This applies equally to nuclear testing and proliferation. We have witnessed the problems of “others” quickly becoming our problems. From this point of view, what COVID-19 has shown, is the need for open channels of communication, agreed reporting systems, common contingency plans and in-force treaties.

The current crisis highlights the value of multilateralism, cooperation, confidence building measures and prevention. Today, such words as “resilience”, “partnerships” and “solidarity” are not empty words. They resonate with the efforts to tackle current international challenges and the global community.

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Андреев
Сергей Вадимович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Польше

Дипломатия в «недипломатические» времена

Стараниями «коллективного Запада» в международных отношениях творятся тревожные вещи: нарастает расстройство системы глобального управления, подрываются основы рациональной внешней политики государств, утрачиваются остатки взаимного доверия, произвольно трактуется международное право, тактические задачи заслоняют стратегическую перспективу, берёт верх «стратегическое легкомыслие». В международном общении всё меньше остаётся того, что всегда считалось неотъемлемой принадлежностью дипломатии, – уважения к оппоненту, корректности и готовности к поддержанию контактов в любых условиях, переговорной культуры. Стирается грань между дипломатией и пропагандой, утверждается популистский стиль, над внешней политикой доминируют сиюминутные внутриполитические расчёты – в таких условиях всё труднее становится вести содержательный диалог и договариваться о решении насущных проблем. Соответственно меняются и условия, в

которых приходится работать в западных странах российским дипломатам.

Нагнетание атмосферы неприязни, враждебности в отношении России приобретает всё более абсурдный, иррациональный характер. В западном политическом, политологическом, информационном пространстве правит бал так называемая «постправда»: утверждения о «российской кампании дезинформации», «гибридной войне» против Запада, вмешательстве России в выборы и вообще во всё что угодно в западных странах, об отравлении Литвиненко, Скрипалей и Навального и т.п. представляются как аксиомы, не требующие доказательств. Стал общим местом расхожий тезис об угрозе агрессии со стороны России против Польши или стран Прибалтики, хотя никто не в состоянии внятно объяснить, зачем нам на эти страны нападать, что мы там забыли.

А чего стоит неадекватная реакция на Западе на российскую помощь Италии в борьбе с эпидемией коронавируса или на первенство России в разработке антиковидной вакцины?

Кампания информационно-политического давления на Россию в основе своей носит спекулятивный, «фейковый» характер. На самом деле в исходящие от России «угрозы» творцы западной политики не верят – иначе, наверное, поостереглись бы провоцировать эскалацию напряженности в отношениях с Россией, не стали бы игнорировать наши многократные предложения о серьёзном, профессиональном обсуждении взаимных озабоченностей будь то в военной или информационной сферах и путей их преодоления.

В насаждении антироссийских предубеждений на Западе принимают деятельное участие вроде бы серьёзные, компетентные

люди – политики, эксперты, журналисты, которые вообще-то должны дорожить своей репутацией и не компрометировать себя озвучиванием явной ерунды, однако же с энтузиазмом встраиваются в политико-информационный антироссийский «мейнстрим». Было бы упрощением видеть их мотивацию только в том, что вся эта кампания хорошо оплачивается и участие в ней приносит разного рода привлекательные дивиденды. Подводятся под неё и обоснования высшего, нравственного порядка, общественного блага.

Россия назначена на роль главного международного фактора, мешающего Западу в достижении его «благородных целей» – причём теперь уже не только внешнеполитических, но и обеспечения гармонии во внутренних делах западных стран.

Иррациональная русофобия в своём нынешнем виде особенно пышно расцвела на фоне глубокого кризиса идентичности, поразившего западное общество в результате столкновения глобалистских тенденций, идеологии нарочитого секуляризма, культа потребительства с национальными культурными, в т.ч. религиозными и нравственными традициями. Другие проявления этого кризиса – претензии к функционированию демократических институтов, которые оборачиваются ростом популярности нелиберальных политических сил и кандидатов, кризисные явления внутри ЕС, пробуксовка процесса евроинтеграции. А в международных делах – болезненное осознание преждевременности эйфории по поводу «победы в холодной войне» и распада Советского Союза, «конца истории», вечного доминирования Запада, триумфального распространения по всему миру западной либеральной демократии и т.п. Под влиянием этих настроений США, НАТО, ЕС наделали множество ошибок, однако признавать их не

желали – и пока за эти ошибки расплачивались другие, на них можно было закрывать глаза. Отрезвление же наступило, когда далёкие войны на Ближнем Востоке и в Северной Африке аукнулись терактами и миграционным кризисом в Европе, стали нарастать массовые недовольство и протесты в благополучных западных странах, под вопросом оказались само содержание и направленность евроинтеграционного проекта.

Либерально-глобалистские элиты Запада, почувствовавшие, что у них земля уходит из-под ног, впали в истерическую прострацию. Политики, бизнес, ведущие СМИ этого направления сплотились под флагом спасения «единственно правильной и безальтернативной» либеральной модели общества. Это и есть та «благородная идея», ради которой они готовы «из высших соображений» опускаться до сознательных подтасовок и откровенного вранья. России в этом раскладе отводится функциональная роль «универсального пугала», в противостоянии которому уже в который раз пытаются объединить западный мир.

Известный американский дипломат и политолог Дж. Кеннан в своё время писал: «В мире нет ничего более эгоцентричного, чем выстроенная в боевой порядок демократия. Скоро она становится жертвой собственной пропаганды. Она начинает придавать своему делу абсолютную ценность, и это искажает её видение. Её враг становится воплощением всех зол. Её собственная сторона – сосредоточением всех достоинств».

Работая в Польше с сентября 2014 г., я имел возможность вплотную наблюдать за тем, как эти тенденции набирали силу в стране, где их развитие шло, вероятно, с опережением по сравнению с

большинством других западных обществ. Польская специфика проявляется и в том, что с конца 2015 г. у власти там находятся нелиберальные политические силы, однако по части подчеркнуто негативного отношения к России между ныне правящими национал-консервативными и оппозиционными либеральными элитами существенных различий не наблюдается, более того – они соревнуются в том, кто из них сильнее заряжен на непримиримое противостояние с Россией.

После государственного переворота на Украине, возвращения Крыма в состав России и резкого ухудшения отношений нашей страны с Западом, польские власти весной 2014 г. объявили о замораживании двусторонних политических контактов (т.е. на уровне министров и выше, а также межпарламентских), взялись энергично лоббировать введение и ужесточение антироссийских санкций, в ситуации «наименьшего политического благоприятствования» просели культурные и гуманитарные связи, остановлена подготовка полутора десятков проектов соглашений, находящихся в работе. Тогда же нам было впервые сказано, что польская сторона рассматривает памятники советским воинам-освободителям – если только они не расположены на территории воинских захоронений – как «символические объекты, пропагандирующие послевоенное советское доминирование в Польше», на которые-де не распространяются гарантии неприкосновенности в соответствии с межправительственным соглашением 1994 г. о воинских захоронениях и местах памяти. В 2017 г. были приняты поправки к так называемому «закону о декоммунизации», которыми предписывалось памятники, «пропагандирующие коммунизм», из общественного пространства убрать. В итоге из 561 памятника

советским воинам-освободителям, которые стояли в Польше в 1997 г., к началу 2021 г. ещё не успели снести лишь чуть больше 100.

С 2014 г. Польша – сначала при либеральном, а потом при национал-консервативных правительствах – последовательно проводит политику конфронтации с Россией, стала одним из лидеров антироссийского «радикального меньшинства» в ЕС, задающего «наименьший общий знаменатель» в наших отношениях с Евросоюзом, который навязывает остальным его членам. От польских официальных лиц мы постоянно слышим резкую – на грани, а то и за гранью откровенных оскорблений – публичную критику и всевозможные претензии, в основных польских СМИ ведётся ожесточенная антироссийская кампания по принципу «о России – или плохо, или ничего», в стране нагнетаются страхи по поводу российской угрозы, шпионажа, «гибридной войны», вмешательства и т.п., не прекращаются поиски доказательств того, что в авиакатастрофе под Смоленском, которая в 2010 г. унесла жизни президента Польши Л. Качиньского и сопровождавших его лиц, виноваты российские власти. На территории Польши идут интенсивные военные приготовления, наращивается присутствие военных контингентов и инфраструктуры США и других стран НАТО, продолжается сооружение базы американской системы ПРО – и не скрывается, что вся эта активность нацелена против России. Хорошо известны роль Польши в создании предпосылок для госпереворота на Украине и его легитимизации, факты о польском вмешательстве во внутренние дела Белоруссии, а в последнее время – и России под флагом защиты прав человека в нашей стране.

Радикально изменившиеся за последние годы условия работы российских дипломатов в Польше и других западных странах

заставляют менять и наши привычные представления о её формах, методах и приоритетах.

Дипломатия по своей природе нацелена на обеспечение интересов взаимодействующих государств через поддержание контактов, поиск договоренностей и компромиссов, убедительное представление своих позиций и правильное уяснение позиций партнёров. Исходим из того, что Россия и Польша – соседи, у которых есть общие вопросы, требующие совместного обсуждения и решения. Мы к этому готовы. Убеждены, что между нашими странами нет таких проблем, которые мы не смогли бы решить во взаимоприемлемом ключе при наличии политической воли и соответствующего настроя, – но как раз таких воли и настроя с польской стороны мы и не видим.

Россия заинтересована в поддержании с Польшей нормальных, добрососедских отношений – но не больше, чем польская сторона. Ставить нам условия нормализации не имеет смысла, «платить» за это уступками в принципиальных вопросах мы не будем.

В ситуации, когда другая сторона ведёт себя так, как будто она вообще не настроена на поддержание нормальных отношений с Россией ни сейчас, ни в будущем, обставляя их нереальными и неприемлемыми требованиями, приходится корректировать содержание и стиль дипломатической практики сообразно вызовам, с которыми мы сталкиваемся.

В отсутствие политического диалога и при как правило несовпадающих подходах в международных делах у нас с Польшей остаётся очень мало таких вопросов, в которых мы ещё можем приходить к согласию. Экономические связи в основном сводятся к торговле – несмотря на последствия санкций и наших ответных мер,

прилагаемые польскими властями усилия с целью отказа от импорта российских энергоносителей, Польша остаётся рядом с десяткой наших крупнейших торговых партнёров и четвёртым – среди стран ЕС.

В последние годы польской стороной приложено немало усилий, чтобы создать вокруг посольства России в Варшаве «токсичную» атмосферу: контакты польских официальных лиц с сотрудниками посольства максимально ограничиваются и активно «не поощряются», ведущие польские СМИ крайне редко предоставляют нам возможности доводить до польской аудитории свои позиции и аргументы. Польские деятели культуры и общественники в частных контактах откровенно признаются, что опасаются попасть под публичное шельмование и «на всякий случай» предпочитают откладывать сотрудничество с российскими коллегами до лучших времён. Немало, к сожалению, и таких наших бывших польских «друзей», которые с энтузиазмом включились в кампанию поношения России.

Понятно, что в таких условиях дипломатическая работа лишается очень важных составляющих. Если задачи развития политического и экономического сотрудничества становятся на данном этапе неактуальными, ограничиваются возможности ведения представительской работы, то соответственно возрастает значение таких направлений деятельности посольства, как аналитическое и информационно-разъяснительное. Дипмиссия должна, несмотря на ограничение контактов и источников информации, оперативно и точно информировать Центр о том, что происходит во внутренней и внешней политике страны пребывания, давать выверенные оценки и прогнозы её развития, вносить предложения о действиях российской стороны в целях обеспечения своих национальных интересов. В условиях острого

информационного противоборства необходимо использовать все имеющиеся возможности для разъяснения как польской, так и российской общественности наших подходов к отношениям с Польшей и существующим между нами проблемам. Принципиальную важность сохраняет отстаивание российской позиции по историческим и военно-мемориальным вопросам, в которых у нас с польской стороной существуют особенно острые противоречия.

Может сложиться впечатление, что российским дипломатам в Польше приходится работать в условиях сильного морально-психологического прессинга. В какой-то мере, наверное, это действительно так.

Однако это давление с лихвой компенсируется уверенностью в том, что за твоей спиной – огромная мощь российского государства, поддержка подавляющего большинства российского общества и что наше дело правое. А укреплению уверенности в нашей правоте работа в Польше очень способствует – могу судить по своему уже достаточно продолжительному опыту.

Когда с российскими дипломатами отказываются встречаться местные официальные лица, вокруг посольства создаются информационные барьеры – это, конечно, демонстрация недружественного отношения к нашей стране, но вместе с тем и проявление политической и интеллектуальной слабости оппонентов, которым нечего противопоставить нашим аргументам в открытых дискуссиях, непрофессионализма и деградации западной дипломатии.

Следует отметить, что состояние российско-польских отношений как правило не проецируется на характер общения между нашими гражданами. Конечно, вековые традиции враждебного отношения к

российскому государству как историческому сопернику Польши, многолетняя обработка польской общественности в антироссийском духе не проходят бесследно: опросы общественного мнения говорят о том, что большинство поляков питают по отношению к России чувства недоверия и предубеждения.

Но в личных контактах между россиянами и поляками (особенно если оставить в стороне политические и исторические вопросы) проблем как правило не возникает, а явный перебор русофобии в польском политическом и информационном пространстве вызывает эффект известного пресыщения и отторжения по крайней мере у части польского общества.

В такие «недипломатические» времена, как сейчас, профессиональная, качественная дипломатия особенно востребована. Российская дипломатическая служба строит свою работу именно в таком ключе, стремясь продвигать позитивную, объединительную международную повестку, содействовать решению реальных проблем, а не создавать искусственные.

Лезгинцев

Юрий Михайлович

доктор экономических наук

Генеральный консул России в Сан-Паулу,
Бразилия

**О некоторых особенностях
консульской работы в условиях
пандемии
(на примере Генконсульства
России в Сан-Паулу, Бразилия)**

Пандемия COVID-19 серьезнейшим образом затронула Бразилию. По данным на начало ноября 2020 г., страна занимала 3-е место в рейтинге наиболее пострадавших государств мира после США и Индии. Было зарегистрировано свыше 5,6 млн. зараженных коронавирусной инфекцией и около 160 тыс. летальных исходов. Эпидемия сильно ударила по самому развитому в промышленном отношении и густонаселенному штату Сан-Паулу (46 млн. жителей), включая агломерацию мегаполиса Большого Сан-Паулу (22 млн. чел.). Количество инфицированных достигло 1,1 млн. человек, а регистрация смертельных случаев приблизилась к 40 тыс. человек, значительно превысив показатели в других регионах страны. С 22 марта 2020 г. властями штата и префектурой города были введены жесткие карантинные ограничения.

Чрезвычайные условия потребовали экстренной перестройки всей работы Генконсульства и принятия дополнительных внутренних

регламентов для выполнения главных задач: принятия исчерпывающих мер для поддержания эпидемиологической безопасности, с одной стороны, и продолжения работы учреждения, хотя бы и в ограниченных объемах, – с другой. Иными словами, со всей остротой встал вопрос о нахождении баланса между сохранением здоровья людей и необходимостью осуществления консульской деятельности без полного закрытия на карантин.

В сложившейся обстановке в целях противодействия распространению инфекции всем сотрудникам и посетителям Генконсульства был обеспечен доступ к средствам индивидуальной гигиенической защиты, введен масочный режим и обязательное измерение температуры, установлен график кварцевания служебных помещений, усилены частота и интенсивность уборок. Параллельно для сотрудников отменялись все выезды на отдых и выходы в город без крайней необходимости, сокращалось число организованного посещения продовольственных магазинов, при этом устанавливалась необходимость поддержания разумного запаса продуктов питания. Члены коллектива, вынужденные по роду деятельности контактировать с большим количеством людей (например, при организации вывозных рейсов), в обязательном порядке отправлялись на двухнедельную самоизоляцию и работали дистанционно. Вновь прибывшие и возвращавшиеся в Сан-Паулу сотрудники сдавали тест ПЦР на коронавирус и также проходили карантин.

В техническом плане упор был сделан на организацию новых форм работы с гражданами при максимальном соблюдении санитарных норм и рекомендаций. С целью избежания скопления людей Генконсульство перешло на прием по предварительной записи.

Предоставление ряда консульских услуг стало осуществляться в онлайн режиме с использованием почтовых служб и бесконтактных форм оплаты. В преддверии юбилейной даты 9 Мая все мероприятия с соотечественниками по празднованию 75-летия Победы (включая Бессмертный полк, выступления фольклорных групп, поздравления) проводились дистанционно. При взаимодействии с правительством штата Сан-Паулу в рамках I Международного виртуального кинофестиваля на специально созданной электронной платформе был организован показ пяти российских кинокартин. Сотрудники Генконсульства в удаленном режиме участвовали в научно-практической конференции группы по изучению БРИКС при Университете Сан-Паулу.

Основным, если не главным, направлением работы РКЗУ стало информирование российских граждан, прежде всего с использованием социальных сетей, об особенностях пребывания в Бразилии в условиях пандемии: санитарно-эпидемиологической обстановке, правилах карантина, визовых требованиях, медцентрах, принимающих пациентов с коронавирусом. До всех россиян, оказавшихся в Бразилии, были доведены рекомендации в кратчайшие сроки воспользоваться возможностью выезда в Россию, независимо от видов транспорта и маршрута. Всплеск обращений по вопросам скорейшего возвращения домой пришелся на апрель месяц, уже после того, как оперативный штаб по борьбе с коронавирусом и Российское Правительство приняли решение о временном прекращении авиасообщения с другими странами. В тот же день Бразилия ввела в действие ограничения по въезду на ее территорию иностранных граждан. Указанные меры в значительной степени повлияли на *modus operandi* Генконсульства,

осложнив и без того напряженную ситуацию в работе на указанном направлении.

Для выхода из положения интенсифицировалась работа в соцсетях. На сайте Генконсульства размещалась вся доступная информация об эвакуационных и вывозных рейсах. С целью оперативного ознакомления соотечественников с происходившими изменениями обстановки были сформированы и в режиме реального времени актуализировались списки, на основании которых осуществлялась рассылка сообщений по Интернету и проводилось телефонное оповещение. Мессенджеры Telegram (официальные каналы Минкомсвязи по вывозным рейсам) и WhatsApp (для контактов с гражданами, оказавшимися без доступа к телефонным коммуникациям) превратились в неотъемлемую часть работы дипломатического персонала.

Кроме поддержания в постоянной технической готовности всех имевшихся в наличии средства связи и круглосуточной доступности ОДС для решения возникавших ситуаций, сотрудникам Генконсульства пришлось, как говорится, «на ходу» осваивать новые участки работы. А именно, решать с авиакомпанией, осуществлявшей вывозные рейсы, вопросы по хэндлерскому обслуживанию российских воздушных судов, организовывать автобусные перевозки, сбор пассажиров и проведение регистраций в аэропорту вылета, улаживать разнообразные проблемы с авиационными властями, полицией, иммиграцией и т.д. Одновременно было необходимо согласовывать с российскими организациями возможности перевозки людей, не подпадавших под действие установленных норм, например иностранцев-членов семей россиян; граждан СНГ; или просто не имевших средств, но

находившихся в критической ситуации лиц. Часто положение дел осложнялось отсутствием или истечением срока действия выездных документов, особенно у российских граждан, прибывших с других консульских территорий, что предполагало срочное осуществление консульских действий: выдачу паспортов, СНВ, прием в гражданство и пр.

Еще одним острым направлением стал возросший объем оказания содействия членам экипажей и пассажирам заходивших в порты Бразилии морских (круизных) судов (яхт) с целью отправки россиян на Родину по различным, чаще всего экстренным обстоятельствам, связанным с пандемией. В условиях закрытия бразильских границ это требовало дополнительного взаимодействия с портовыми властями и местным МИДом для получения разрешений при сходе на берег. Аналогичные проблемы возникали при переходе российскими гражданами сухопутных пунктов пропуска из сопредельных стран (например, из Парагвая), где авиасообщение с Европой было полностью прекращено. Некоторые соотечественники, летевшие из государств региона через Сан-Паулу, оказывались подолгу изолированными в транзитной зоне международного аэропорта Гуарульос. Тогда приходилось решать вопросы их дальнейшего следования с зарубежными авиакомпаниями, осуществлявшими полеты в европейские города, например, до Минска.

Чрезвычайные обстоятельства потребовали мобилизации, предельной собранности и координации работы всех сотрудников РКЗУ, взаимной помощи, универсальности и повышенной ответственности при выполнении служебных задач и нестандартных поручений. Особая ответственность легла на плечи Гуманитарной

комиссии по оказанию помощи соотечественникам. К сожалению, некоторые граждане восприняли решения госорганов об оказании всяческого содействия россиянам, оказавшимся в трудном положении за рубежом, как способ для необоснованного получения материальной помощи и других льгот. В этой связи комиссии пришлось не только разъяснять им условия действия соответствующих постановлений Правительства Российской Федерации, но и выявлять обстоятельства их пребывания, проверять достоверность изложенных в заявлениях причин, принимать выверенные и взвешенные решения. В качестве примера можно привести случай, когда один из наших граждан в категоричной форме требовал от Генконсульства выдать ему наличные денежные средства, не имея на то никаких оснований, более того, оказалось, что этот человек устраивал сеансы йоги, стоимость входного билета на которые превышала 800 долл. США. Конечно, после проверки указанных фактов заявителю было отказано на основании предоставления им заведомо ложных сведений и отсутствия непосредственной угрозы жизни.

Пожалуй, еще одним новым моментом стало резкое увеличение пожелавших вернуться на Родину ранее выехавших за рубеж росграждан с целью так называемого «родового туризма». Не говоря уже о несвоевременном оформлении необходимых для родившихся в Бразилии детей документов (прием в российское гражданство, выдача паспортов), возникали проблемы со здешними органами опеки, проявлявшими обеспокоенность (при наличии оснований, как-то: отсутствие условий содержания, недостаток средств у родителей и т.д.) дальнейшей судьбой малышей, автоматически получивших уже местное гражданство. В некоторых случаях дело доходило до

судебных разбирательств, грозивших изъятием новорожденных из родительской семьи и их передачи в приемные семьи. С учетом того факта, что органы опеки являются полностью независимыми и могут принимать такие решения самостоятельно, данный исход, который пока удавалось предотвращать сотрудникам КЗУ, является вполне вероятным. На основании указанных случаев, усугубленных другими ограничениями в условиях пандемии, иммиграционные инспекторы стали все чаще отказывать россиянкам на последних месяцах беременности во въезде в страну, что создает дополнительные проблемы с авиакомпаниями при их возвращении.

В связи с частичной нормализацией въезда в Бразилию для иностранных граждан и неопределенной ситуацией с вероятным началом нового витка пандемии в стране пребывания, в Генконсульстве усилены меры эпидемиологической безопасности и контроль за их исполнением. В настоящий момент продолжается практика раздельного обслуживания посетителей с целью предотвращения одновременного нахождения большого количества людей в замкнутом пространстве, регулируется их заход на территорию и в приемное помещение. До снятия карантинных мер отменены все мероприятия и встречи с соотечественниками, хотя в рамках Госпрограммы по переселению продолжается работа по организации их отправки в Россию.

В целом, несмотря на продолжение пандемии и сопутствующих серьезных неудобств, влияющих на многие направления консульской деятельности, на данный момент удастся поддерживать функционирование Генконсульства с оказанием максимально возможного спектра услуг. Однако некоторые физические операции по

истребованию документов, отправки анкет на согласование, получению биометрических паспортов зависят от внешних обстоятельств и смогут выполняться в полном объеме только при восстановлении всех средств коммуникации. Также представляется крайне важным проработать вопрос о приоритетной вакцинации работников КЗУ отечественными вакцинами (по мере их поступления), поскольку именно они находятся в постоянном контакте с людьми, подвергаясь повышенному риску.

Мирослав Лазански

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Сербии в Российской
Федерации

Из воспоминаний дипломата- журналиста

Более 40 лет я был журналистом, занимающимся исключительно вопросами внешней политики и военных отношений в мире. Иными словами, я не прошел через «классическую журналистскую школу», в которой журналисты начинают карьеру с обзора цен на рынке до обсуждения проблем профсоюзов и внутренней политики. Мне довелось встречаться и беседовать с разными министрами, президентами, генералами и маршалами, дипломатами из всего мира, югославскими и иностранными. Я присутствовал на различных дипломатических приёмах и мое видение современного дипломата – дипломата XXI века – точно отличается от классического понимания дипломатии. Перед своим вылетом в Багдад в 1981 году, откуда я комментировал события иракско-иранской войны, я посетил югославское Министерство иностранных дел в Белграде, с целью их уведомления о своей поездке в Ирак. Один из наших дипломатов, тогдашний начальник отдела Ближнего Востока, серьезным голосом

сообщил мне, что в регионе, куда я собираюсь отправиться, бушует война, стреляют, и погибают люди. Больше он мне ничего не сказал. Я настолько удивился, что даже задался вопросом, почему я вообще посещал Министерство.

Весной 1983 года, во время моего пребывания в Вашингтоне, я посетил Посольство Югославии. Меня принял наш тогдашний Посол г-н Будимир Лончар, которого интересовали вовсе не причины моей поездки в Вашингтон или о чем я буду вещать из Вашингтона, а мое видение внутривнутриполитической ситуации в Югославии и межличностных отношений между нашими политиками. Все это было сказано полутихим и серьезным голосом, так как обстановка в мире была весьма сложной и сомнительной. Я пришел к выводу, что товарищ Будимир Лончар, видимо, готовится занять другую должность. Действительно, по моему возвращению из Афганистана в 1988 году мы случайно встретились. Он тогда был уже министром иностранных дел СФРЮ. Г-н Лончар мне вновь серьезным голосом сказал, что читает мои статьи об Афганистане и не согласен с моими гипотезами и мнением о событиях в этом государстве. Я его спросил, был ли он в Афганистане. Конечно, не был, но ответил, что, будучи министром владеет достоверной информацией о делах в Афганистане. Тогда мне показалось, что большинство дипломатов предпочитает говорить медленно и тихо, серьезным голосом, в ожидании момента, когда их собеседник станет менее внимательным, а также что многие дипломаты не всегда владеют абсолютно достоверной информацией. Тогда я понял, что дипломатией, на самом деле, очень сложно заниматься. Вам необходимо больше слушать, чем говорить – хотя с приобретением опыта данная формула не является столь

обязательной, Вы всегда должны быть серьезными и озабоченными общей ситуацией в мире, вежливыми, соблюдать протокол, но при этом оставаться сдержанными, дискретными и терпеливыми. По-моему, современный дипломат должен всегда говорить правду, когда она очевидна, должен быть точным, спокойным, с приятным темпераментом, скромным и лояльным. Согласно определению Никольсона, дипломат должен обладать высокой эрудицией, аналитическими способностями, шармом, быть осторожным, гостеприимным, прилежным, смелым и тактичным. Эрудиция и способность глубокого понимания чрезвычайно важны в дипломатической деятельности, особенно при оценке сказанного собеседником.

Это можно проиллюстрировать известным разговором Посла США в Кувейте Эйприл Гласпи с Президентом Ирака Саддамом Хусейном. Долголетний конфликт Ирака и Кувейта по поводу нефтяных источников в приграничном регионе обострился весной – летом 1990 года. Багдад утверждал, что Кувейт так называемым наклонно-направленным бурением добывает нефть с иракской территории. Согласно мнению иракского министра иностранных дел в тот период Тарика Азиза, американский Посол не просила проведения встречи с Саддамом Хусейном, а он сам захотел, чтобы она передала его сообщение Президенту США Джорджу Бушу. Тарик Азиз позже утверждал, что этот разговор был рутинным. Тем не менее, мне иракцы из Багдада в 1994 году сообщили, что американский Посол Эйприл Гласпи, на самом деле, сказала Саддаму Хусейну, что «Вашингтон особо не интересуется нефтяным конфликтом между Ираком и Кувейтом и что, между прочим, Кувейт когда-то был лишь 16-й провинцией

иракского царства». Было ли это неправильно понятым предложением американского Посла, каким-то американским подвохом, остается неизвестным, но иракская армия вступила на территорию Кувейта 2 августа 1990 года.

Последовали резолюции ООН, осудившие иракское вторжение в Кувейт, которые требовали вывода иракских войск из Кувейта. Багдад этого не сделал, и 15 января 1991 года произошла операция «Буря в пустыне». Исход известен.

Накануне распада СФР Югославии, из Вашингтона в Белград поступали сообщения о противоречивых позициях Госдепа по поводу югославского кризиса. Пресс-секретарь Госдепартамента Маргарет Тутвайлер дословно заявила, что «США против любого применения силы или угроз о блокировке демократических изменений и против навязанного недемократичного единства страны, но одновременно ни в коем случае не поощряют и не награждают отделение». После этого заявления, в своей статье в «Политике» я поднял вопрос: а что именно означает «США против»? Идет ли речь о новом появлении ограниченного суверенитета других государств по американскому критерию? Или, возможно, это Югославия совершила агрессию на Кувейт и США теперь «против»? С дипломатической точки зрения, весьма интересным был термин «навязанное недемократичное единство». Тогда это было довольно похоже на другое заявление из Вашингтона, в котором говорилось, что «США осознают тот факт, что распад Югославии без кровопролития невозможен, но при этом США выступают против насильственного сохранения единства государства». Тогда я впервые столкнулся с термином «навязанный недемократичный распад» и задумался над тем, почему сецессия не

будет награждаться и поощряться, в то время как при этом США будут «против навязанного недемократичного единства». Почему по одному варианту принимается категорическая позиция «против», а по-другому говорят «мы вас не наградим»? Иными словами, Вашингтон был категорически против применения федеральной силы, т.е. ЮНА, но при этом осознанно проигнорировал применение силы на уровне республики, а тогда это были войска Территориальной обороны.

На тот момент советник по политическим делам в Посольстве США в Белграде г-н Луис Сел пригласил меня на чашку кофе после публикации моей статьи в «Политике». Он попытался мне объяснить все слои и нюансы американской внешней политики, похвалив референдумы по отделению от Югославии северных республик, назвав их демократическим достижением. Через несколько дней Луиса Села перевели на важную должность в Посольстве США в Москве, а югославское общество вступило в гражданскую войну. Я подумал, что срочный отъезд Луиса Села в Москву не принесет ничего хорошего СССР...

В качестве примера манипуляции среди дипломатов, хочу отметить случай обращения американского генерала на пенсии Колина Пауэлла, занимавшего должность Госсекретаря США, в Совете Безопасности ООН накануне нового нападения на Ирак в марте 2003 года. Колин Пауэлл тогда в Совете Безопасности демонстрировал некий флакон, в котором якобы было иракское боевое отравляющее вещество, и показал картины «иракской мобильной лаборатории по его производству». И все это в целях обвинить Багдад в незаконном производстве оружия массового поражения. Фотографии «иракской мобильной лаборатории по производству отравляющих веществ»,

которыми Колин Пауэлл размахивал в Совете Безопасности, представляли собой старый советский грузовик для обеззараживания. Спустя несколько дней, я написал об этой манипуляции в газете «Политика». Однако несколько лет спустя, Колин Пауэлл в своей книге признался, что на заседании Совета Безопасности ООН он осознанно сообщил неправду и предъявил ложные доказательства. Но война в Ираке в апреле 2003 года уже завершилась.

В истории дипломатии также наблюдаются случаи неверного перевода или неправильного толкования определенного сообщения. Силы союзников на Потсдамской конференции в 1945 году призвали Японию к капитуляции. Японское правительство ответило сообщением, в котором было использовано слово «мокусацу». Японцы говорят, что данное слово означает «принято во внимание», но переводчики в США перевели его как «игнорируем». Также некоторые японские историки утверждают, что ядерные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 года, были как раз последствием неправильно переведенного слова «мокусацу». Конечно же, речь идет о довольно упрощенном видении причин сброса ядерных бомб на Японию в августе 1945 года.

В нынешнюю эпоху скоростных коммуникаций, интернета и твиттера, можно поднять вопрос о роли современной дипломатии. Опять же, это зависит от страны, ее экономической и военной силы, совокупного влияния в мире. Некоторые государственные деятели общаются между собой напрямую, устно. Современные технологии обеспечивают полностью защищенные системы коммуникации, иногда необходимо действовать немедленно и нет времени на написание нот. Однозначно, развитие коммуникационных технологий уменьшает роль

классической дипломатии. Правда, не всегда и не во всех случаях, но такая тенденция отмечается.

Наконец, есть еще и так называемая «дипломатия корабля». Еще Кромвель говорил, что «нет лучше Посла, чем военный корабль вашей страны в иностранном порту». В истории дипломатии известен ряд встреч государственных деятелей на военных кораблях: в 1905 году произошла встреча царя Николая и царя Вильгельма на борту яхты Вильгельма; в 1807 году Наполеон встретился с царем Александром на одной лодке рядом с Тильзитом; Рузвельт и Черчилль встретились в 1941 году на военном корабле у атлантического побережья США; однажды была проведена встреча Рузвельта с королем Фаруком, царем Хайле Селассие и королем Ибн Саудом на одном американском эсминце в египетских водах. Чемпионом в «дипломатии корабля», несомненно, был Президент СФР Югославии маршал Тито, который на корабле «Галеб» Военно-морского флота провел десятки дипломатических встреч на высшем уровне. Скорее всего, последней подобной встречей в XX веке должна была стать встреча американского президента Джорджа Буша с советским лидером М.С. Горбачевым. Согласно плану, встречу нужно было провести на американском крейсере «Белкнап» и советском ракетном крейсере «Слава» в декабре 1989 года в водах Мальты. Тем не менее, в связи со штормом в регионе отменили мероприятия на военных кораблях и саммит был проведен на материке.

Мне тогда показалось, что Мальта в 1989 году была своего рода Ялтой в 1945 году.

Изванредни и Опумоћени Амбасадор Републике Србије у Руској Федерацији Њ.Е. Мирослав Лазански

Више од 40 година био сам новинар који се искључиво бавио спољном политиком и војним односима у свету. Односно, нисам прошао класичну новинарску школу, по којој новинари почињу каријеру праћењем цена на пијаци до проблема синдиката и унутрашње политике. Сретао сам се и разговарао са разним министрима, председницима, генералима и маршалима, дипломатама широм света, и југословенским и страним. Био сам на разним дипломатским пријемима и коктелима и моје виђење модерног дипломате, дипломате за 21. век сигурно одудара од класичног схватања дипломатије. Када сам 1981. године полазио у Багдад да извештавам из ирачко-иранског рата претходно сам отишао у југословенско министарство спољних послова у Београду, чисто онако да се јавим да идем у Ирак. И у том министарству ми је један наш дипломата, тада шеф одељења за Блиски исток, тронутим и озбиљним гласом саопштио да у подручју где идем влада рат, да се тамо пуца и да се гине. И ништа више. Био сам згранут, заправо сам се запитао што сам уопште и свраћао у то министарство.

Када сам у пролеће 1983. био у Вашингтону отишао сам, наравно, у југословенску амбасаду. Примио ме је тадашњи наш амбасадор Будимир Лончар којег уопште није интересовало зашто сам дошао у Вашингтон и шта ћу из Вашингтона да извештавам, већ га је занимало моје виђење унутрашњополитичке ситуације у Југославији и међусобни односи наших политичара. И све то уз његов полутихи и озбиљан глас, тронути тон, јер светска је ситуација врло тешка и неизвесна. Из чега

сам закључио да се друг Буда Лончар очито спрема за неку другу функцију. И заиста, по повратку из Авганистана 1988. године имао сам случајни сусрет са другом Будимиром Лончаром, тада већ министром спољних послова СФР Југославије. Рекао ми је опет озбиљним и полутихим гласом да у новинама чита моје текстове из Авганистана и да се не слаже са мојим тезама и размишљањима о догађајима у тој земљи. Упитао сам га да ли је био у Авганистану. Наравно, није био, али је одговорио да он као министар има најбоље информације о Авганистану. Из чега сам ја онда закључио да већина дипломата воли да говори полако и полутихо, озбиљним гласом вребајући сваки моменат када њиховом саговорнику попусти пажња у слушању и да многе дипломате, па чак и министри спољних послова, немају увек и праве информације. И тада сам схватио да је дипломатија, заправо, јако тежак посао. Морате најчешће да више слушате него што говорите, мада са стицањем искуства та формула и није тако обавезујућа, морате да увек будете озбиљни и забринути због, забога, ситуације у свету, да будете љубазни и учтиви, да пазите на протокол, али да ипак будете флегматични, резервисани, дискретни и стрпљиви. По мом мишљењу, модеран дипломата треба увек да говори истину тамо где је то очигледно, да буде тачан, смирен, пријатне нарави, скроман и лојалан. По Николсоновој дефиницији модеран дипломата треба да поседује интелигенцију, знање, способност добре процене, обазривост, гостољубивост, шарм, марљивост, храброст и тактичност. Знање и добре процене врло су важне у дипломатском раду, посебно добра процена оног што чујете од саговорника.

За илустрацију, ту је већ познати случај разговора америчке амбасадорке у Кувају, Ејприл Глеспи, са председником Ирака Садамом

Хусеином. Ирак и Кувајт су имали дугогодишњи спор око нафтних извора у пограничном подручју, спор је ескалирао у пролеће и лето 1990. године. Багдад је тврдио да Кувајт тзв. косим бушењем црпи нафту са ирачке територије. По Тарику Азизу, ирачком министру спољних послова у то време, америчка амбасадорка није тражила пријем код Садама Хусеина, већ је он хтео да она пренесе његову поруку председнику Џорџу Бушу. Тарик Азиз је касније тврдио да је тај разговор био рутински. Ипак, мени су Ирачани 1994. у Багдаду рекли да је америчка амбасадорка Ејприл Глеспи, заправо, рекла Садаму Хусеину „како нафтни спор Ирака и Кувајта не занима превише Вашингтон и да је, уосталом, Кувајт некада био само 16. провинција ирачког царства“. Погрешно схваћена реченица америчке амбасадорке, америчка замка или не, тек ирачка је војска ушла у Кувајт 2. августа 1990.

Уследиле су резолуције УН које су осудиле ирачку инвазију Кувајта, где је затражено да ирачка војска напусти Кувајт. Багдад то није учинио и 15. јануара 1991. је уследила операција „Пустинска олуја“. Резултат је познат.

У предвечерје распада СФР Југославије из Вашингтона су у Београд долазили амбивалентни ставови Стејт департмента око кризе у Југославији. Портпаролка Стејт департмента Маргарет Тутвајлер дословно је рекла „да су САД против било какве употребе силе, или заплашивања у блокирању демократских промена и да су против наметнутог недемократског јединства земље, али да истовремено ни у ком случају не охрабрују нити награђују сецесију“. После те изјаве, у мом тексту у „Политици“ поставио сам питање шта значи да су САД „против“? Је ли реч о новој појави ограниченог суверенитета других држава по америчком критеријуму? Или је можда Југославија извршила агресију

на Кувајт, па су САД „против“? Дипломатски је био и врло интересантан термин „наметнуто недемократско јединство“? То је тада доста личило на једну другу изјаву из Вашингтона, где је речено „да су САД свесне да није могућ распад Југославије без крви, али да су истовремено САД против насилног очувања јединства државе“. Тада сам се први пут суочио са термином „наметнути недемократски распад“ и запитао се зашто се сецесија неће награђивати и охрабривати, док ће САД истовремено бити „против наметнутог недемократског јединства„? Зашто се за једну опцију узима категоричан став „против“, а за другу „нећемо вас наградити“? Другим речима Вашингтон је енергично био против употребе федералне силе, односно ЈНА, али је свесно игнорисао употребу силе на републичком нивоу, а то су тада биле снаге Територијалне одбране.

Тадашњи саветник за политичке послове у амбасади САД у Београду, господин Луис Сел позвао ме је на кафу после тог мог текста у „Политици“. Покушао је да ми објасни све слојеве и нијансе америчке спољне политике похваливши референдуме о отцепљењу северних република од Југославије као демократску тековину. После неколико дана Луис Сел је премештен на важну дужност у амбасаду САД у Москви, а југословенско друштво ушло је у грађански рат. Помислио сам, чим је Луис Сел хитно отишао за Москву, то неће бити добро за СССР...

Пример манипулације међу дипломатама је и случај обраћања пензионисаног америчког генерала Колина Пауела, као државног секретара САД пред Саветом безбедности УН у предвечерје новог напада на Ирак у марту 2003. године. Колин Пауел је тада у Савету безбедности махао некаквом бочицом у којој је, наводно, био ирачки

бојни отров и показао слике „ирачке покретне лабораторије за производњу бојних отрова“. И све то у циљу да се Багдад оптужи за илегалну производњу оружја за масовно уништавање. Фотографије „ирачке покретне лабораторије за производњу бојних отрова“, фотографије са којима је Колин Пауел махао у Савету безбедности, представљале су стари совјетски камион за деконтаминацију. Ја сам одмах, после неколико дана, о тој манипулацији написао текст у мом листу „Политика“. Но, неколико година касније Колин Пауел је у својој књизи признао да је тада на седници Савета безбедности УН свесно изнео неистину и да је предочио лажне доказе. Али, рат против Ирака у марту 2003. већ је био завршен.

У историји дипломатије имате и случајеве погрешног превода неког саопштења, или погрешне интерпретације неког саопштења. Савезничке силе су у Поздамској декларацији 1945.године упутиле Јапану позив на капитулацију. Јапанска влада је одговорила својим саопштењем у којем се спомиње реч „мокусацу“. Јапанци кажу да та реч значи „примљено к знању“, али да су ту реч преводиоци у САД превели као „игноришемо“. И неки јапански историчари тврде да су атомске бомбе на Хирошиму и Нагасаки бачене у августу 1945. биле управо последица погрешно преведене речи „мокусацу“. Наравно, то је прилично поједностављено виђење разлога бацања атомских бомби на Јапан у августу 1945.

У данашње време брзих комуникација, интернета и твитера, може се поставити питање улоге савремене дипломатије . То опет зависи од земље до земље, њене економске и војне снаге, укупног утицаја у свету. Неки државници директно међусобно и усмено комуницирају, савремена технологија обезбеђује апсолутно заштићене системе

комуникације, некада је потребна хитна акција и реакција и нема се времена за писање нота. Сигурно јесте да развој комуникационих технологија смањује улогу класичне дипломатије. Истина не увек и не у свим приликама, али тај тренд постоји.

И на крају, постоји и бродска дипломатија, јер је још Кромвел рекао „да нема бољег амбасадора од ратног брода ваше земља у страниј луци“. Историја дипломатије познаје неколико сусрета државника на ратним бродовима: 1905. године сусрет цара Николаја и цара Вилхема на јаhti цара Вилхема, или 1807. године између Наполеона и цара Александра на једном сплаву поред Тилзита, састанак Рузвелта и Черчила 1941. године на ратном броду крај атлантске обале САД, или састанак Рузвелта са краљем Фаруком, царем Хаиле Селасијем и краљем Ибн Саудом на једном америчком разарачу у египатским водама. Шампион у бродској дипломатији био је несумњиво председник СФР Југославије, маршал Тито, који је на броду ратне морнарице „Галеб“ имао десетине дипломатских сусрета на највишем нивоу. Вероватно последњи сусрет у 20. веку, који је требао да буде и бродска дипломатија, био је састанак америчког председника Џорџа Буша са совјетским лидером Михаилом Горбачовом, који је требао да се одржи наизменично на америчкој крстарици „Белкнап“ и совјетској ракетној крстарици „Слава“ у децембру 1989. године у водама Малте. Ипак, олуја која је тих дана беснела тим подручјем спречила је састанак на ратним бродовима и самит је одржан на копну.

Имао сам тада утисак да је Малта 1989. била својеврсна Јалта 1945.

РОССИЯ И МИР

Келин

Андрей Владимирович

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в
Великобритании

**100 лет советско-
британскому торговому
соглашению:
актуальный пример
здорового прагматизма в
двусторонних отношениях**

16 марта 1921 г. в Лондоне было заключено Торговое соглашение между РСФСР и Великобританией. От имени советской стороны оно было подписано Л.Б. Красиным – первым наркомом внешней торговли и по совместительству первым полномочным и торговым представителем послереволюционной России в Великобритании. С британской стороны – Р.С. Хорном, председателем Совета по торговле в коалиционном кабинете Ллойда Джорджа.

Это хороший повод не только для того, чтобы оглянуться назад в глубину истории, но и для оценки нынешнего положения дел в ключевых аспектах российско-британских отношений. Полезно также, опираясь на заложенные 100 лет назад основы, посмотреть в позитивном ключе на возможные перспективы.

Значение подписанного соглашения для еще не окрепшей новой власти в Москве сложно переоценить. Соединенное Королевство стало первым западным государством, де-факто признавшим правительство большевиков. Было оформлено прекращение торговой блокады и политического бойкота Советской России со стороны Западной Европы и остального «западного мира». Заключение такого договора было большой дипломатической победой. Всего тремя годами ранее британский истеблишмент предпочитал исключительно военные инструменты ведения дел. Кардинальная перемена произошла, несмотря на разруху и разгул преступности в стране, еще продолжающиеся всполохи гражданской войны, весьма плачевное на тот момент состояние национальной экономической и финансовой системы, отсталость в технологическом и инфраструктурном развитии. В идеологическом плане тоже сложно было представить себе более редкий «мезальянс»: правительство большевиков не скрывало, что его цель – мировая революция, ликвидация капитализма и любых империй. А Великобритания не только была на протяжении многих лет традиционным геополитическим соперником России в Евразии, но станет ее главным оппонентом на долгосрочную перспективу уже на новом историческом этапе.

Важно подчеркнуть и особое положение Соединенного Королевства как единственной на тот момент глобальной империи. Казалось бы, имея под своим прямым контролем полмира, ей можно было бы обойтись без такого, на первый взгляд, политически непредсказуемого и экономически нестабильного партнера. Ведь многие политики и ученые прогнозировали весьма скорый – в течение считанных лет – коллапс советской власти, не имевшей реального опыта

управления такой огромной территорией, непростой во всех отношениях. Хотя, может быть, именно ожидание очередного грядущего «переформатирования» России как раз и подпитывало надежды британских политических и деловых кругов на возмещение за конфискованное у них имущество, возврат царских долгов и получение в дальнейшем долгосрочного доступа к российским ресурсам.

Так или иначе, но в начале 1920-х гг. в обеих странах здоровый прагматизм взял верх над политическими установками и стереотипами. Достаточно взглянуть на сам текст первого советско-британского торгового соглашения – довольно лаконичный, конкретный и пропитанный духом взаимоуважения. Он не описывал торговые обмены в отдельных секторах и имел больше политический характер. Стороны согласились отказаться от любых «враждебных действий или мероприятий», в т.ч. в дипломатической и пропагандистской сферах, против друг друга как на собственных территориях, так и в регионах своего традиционного влияния. Снимались все препятствия для трансграничных торговых и финансовых операций. В основу взаимного товарооборота был положен принцип наибольшего благоприятствования. Гарантировалась обоюдная неприкосновенность морских судов, их экипажей и грузов. Предусматривалось назначение своих торговых «агентов» на территории друг друга. Подобные официальные представители пользовались дипломатическими привилегиями и иммунитетами, а также получали «доступ к властям страны пребывания». Именно это позволило окончательно «узаконить» образованное в феврале 1920 г. первое советское торгпредство (изначально – «делегацию») за

рубежом (до сих пор по-английски оно традиционно называется «The Russian Trade Delegation in the UK»).

В целом соглашение явило пример здравомыслия и доброй воли, позволивших взглянуть поверх существовавших тогда идеологических шор. В конечном счете, оно помогло значительно разрядить двустороннюю напряженность (пусть не до конца и не навсегда) во благо народов обеих стран, переживавших немалые сложности послевоенного и послереволюционного времени.

Данный пример весьма поучителен даже спустя целое столетие. С сожалением приходится констатировать, что российско-британские отношения вновь проходят через весьма острую фазу. Примечательно, что при этом Москва и Лондон находятся сейчас в одной цивилизационно-идеологической парадигме. Мы разделяем общие культурные ценности гуманизма, демократии, рыночной экономики, верховенства закона, защиты прав человека, устойчивого развития. Даже если кто-то и усмотрит различные нюансы в трактовке этих понятий, их вряд ли можно назвать глубинными, принципиальными или непримиримыми. То же и в сфере национальных геополитических интересов: после распада сначала Британской империи, а затем СССР современным России и Великобритании как отдельным суверенным государствам в общем-то нечего «делить». Объективно говоря, у нас больше нет предмета для реального противоборства.

На этом фоне рассуждения о «российской угрозе» со стороны ряда британских политиков искусственны и конъюнктурны. Тема угроз очень нравится военным и всем, кто связан с обеспечением национальной безопасности. Это оправдывает их существование, но мало соотнобразуется с реальными национальными интересами Соединенного

Королевства. Даже если предположить некую «воспитательную» функцию санкций и всей антироссийской истерии (с британской точки зрения), то, как минимум, она оказалась эфемерной, не приведя ни к каким результатам. Россия не «поменяла своего поведения», не отказалась от собственной, независимой линии в мировых делах. Да и как иначе? Ведь основания под всеми антироссийскими шагами надуманы. Народ Крыма сам, в соответствии с правом на самоопределение, выбрал, с кем связать свое будущее. Пресловутые дела Литвиненко и Скрипаля изначально строились на бездоказательных утверждениях и провокациях. Нынешние потуги поддержать разных ложных «жертв режима» в качестве самопровозглашенных мнимых «лидеров российской оппозиции» и «борцов за права человека» опираются на неверный расчет и несерьезны для любого вдумчивого эксперта.

Хватает и у нас реальных поводов упрекнуть британскую сторону в непоследовательности и двойных стандартах. Вспомним хотя бы упорное нежелание сотрудничать с нами по делам десятков откровенных мошенников из числа российских граждан, вольготно и роскошно живущих в Соединенном Королевстве на похищенные в России средства. Не только у нас, но у многих в мире есть серьезная претензия к британскому финансовому центру как чуть ли не главной глобальной «прачечной» для преступных доходов. Не всегда благовидную роль играют англичане в различных кризисных ситуациях на нашей планете. Взять хотя бы Ближний Восток (особенно Йемен и Сирию) и Северную Африку. На Балканах, да и в соседней Украине наращивается провокационное присутствие их военных и спецслужб.

Чем больше задумываешься над истинной природой агрессивных антироссийских выпадов из Лондона, тем больше приходят мысли о большой доле конъюнктурных факторов. Такая безрассудная и неосторожная линия может быть выгодна только определенным политикам-демагогам, которые не заботятся о долгосрочных национальных интересах своей страны, а лишь пытаются использовать образ внешнего врага, чтобы иметь повод погромче покричать с различных трибун и «поднять свой профиль». Их интересы сходятся с откровенно денежными мотивами как силовиков, так и псевдо-аналитиков, зачастую из числа бывших «советологов», которые просто боятся потерять традиционных заказчиков своей «интеллектуальной продукции». В этом же ряду находятся и СМИ, которым, к сожалению, легче продавать (в прямом и переносном смысле) скандальные «фейковые новости», чем заниматься настоящей качественной журналистикой. Есть и еще одна большая внешняя причина – далеко не полная самостоятельность геополитического выбора Лондона. Колебания англичан вместе с курсом своего «главного стратегического партнера», а то и откровенное «болтание» в его кильватере видны невооруженным глазом.

При этом реальная жизнь и интересы России и Великобритании диктуют совсем иной подход. Ведь последствия кризисов последних лет – всемирного финансового 2007-2009 гг., пандемии коронавируса, «брекзита», перехода к новому хозяйственно-технологическому укладу, глобальных проблем современности – сравнимы по своему размаху с итогами войн прошлого. Общим местом, не требующим доказательств, стало понимание необходимости координироваться и объединять усилия, расширять торговые и инвестиционные связи,

обмениваться знаниями и технологиями. В этом состоит еще одна параллель с началом 1920-х гг.

И это особенно хорошо понимают деловые круги с обеих сторон. Политические разногласия не нужны бизнесу, они лишь мешают взаимовыгодному партнерству. А наращивание и диверсификация трансграничных связей, наоборот, расширяют выходы на существующие и новые рынки, гарантируют устойчивость и рентабельность предприятий. Поэтому британские компании продолжают сотрудничать с российскими партнерами «в обход» политических барьеров.

2019-й и 2020-й гг. отметились новыми показательными проектами. При участии Роскосмоса успешно запущены более 100 спутников компании «OneWeb». Фармацевтический гигант «AstraZeneca» открыл дополнительную производственную линию по выпуску лекарств на заводе в Калужской области, а его конкурент «GlaxoSmithKline» сделал то же в Новой Москве. «Halewood Spirits» перенесли производство своей алкогольной продукции из Ливерпуля в Ленинградскую область. Предприятие «ЗиО-Подольск», которое входит в ГК «Росатом», начало поставки оборудования на британское предприятие «Riverside» по переработке мусора.

Сегодня в Великобритании стабильно работают более 120 российских компаний в самых разных секторах. При этом, число действующих в России британских фирм в разы выше – более 600.

На этом фоне не столь удивительной выглядит позитивная статистика российско-британской торговли. После «обвала» из-за введения санкций в 2014 г. ее объем неуклонно растет на 10-20% в год. В прошлом году товарооборот установил исторический рекорд, превысив

27 млрд долл. Важно, что одним из главных двигателей товарообмена является именно российский несырьевой неэнергетический экспорт. Пусть сильно значение конъюнктурных факторов (колебания валютных курсов, повышенный спрос на российские драгоценные металлы и камни), но это не меняет общую положительную тенденцию. До рекордных показателей выросли и взаимные накопленные инвестиции: российские в Великобритании – больше 24 млрд долл., британские в России – свыше 37 млрд долл.

Впрочем, эта закономерность еще не стала устойчивой и самодостаточной. Слишком сильны попытки подорвать ее со стороны антироссийских сил. К этому добавляется и общая для Запада линия на политизацию внешних хозяйственных связей. Великобритания вслед за рядом других стран встает на путь ограничений на иностранные капиталовложения во многие ключевые отрасли, список которых постоянно расширяется. Не исключено, что скоро правительственного одобрения потребуют инвестиции из-за рубежа не только в производство британских товаров и технологий двойного назначения, но и вообще в любые передовые сферы – цифровую, фармацевтическую, энергетическую, космическую, транспортную. Все это может оказаться предметом регулирования по итогам текущего рассмотрения в Парламенте законопроекта «Билль о национальной безопасности и инвестициях». Одна из его наиболее опасных новаций – почти неограниченные полномочия министров в определении внешних политических и экономических рисков. В Великобритании раздаются настойчивые голоса пойти еще дальше и «формализовать» государственную защиту всех «стратегически важных» отраслей.

С большим вниманием и порой настороженностью наблюдаем за стремлением западных государств в одностороннем порядке, не оглядываясь на реалии других стран и регионов, возвести новые барьеры в международной торговле, прикрываясь природоохранной и климатической риторикой. В этом направлении развивается дискуссия и в самой Великобритании. Несбалансированное и не сопровождаемое достаточным международным содействием введение различного рода «пограничных корректирующих механизмов» и «углеродных налогов» может не столько обеспечить процветание «передовых» стран, сколько подорвать силы и без того уязвимых государств, а в конечном счете – замедлить рост всей мировой экономики, увеличить ее диспропорции. Россия как активный и ответственный участник международных усилий по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды в принципиальном плане поддерживает прогрессивные меры и рыночные механизмы в климатической и экологической сферах. Однако они должны быть согласованы и учитывать интересы всех.

Россия готова конструктивно обсуждать эти и иные вопросы с Великобританией в честном и открытом диалоге, как в двустороннем формате, так и на многосторонних площадках, включая ООН и ВТО. Самое важное сейчас отделить лишних политических «мух» от действительно важных и имеющих прагматическую ценность «котлет». Иными словами, дать политическому диалогу развиваться своим ходом (очевидно, что он еще долго будет нелегким), но не мешать расширению взаимовыгодных хозяйственных, культурных и гуманитарных обменов. Уверен, со временем жизнь расставит все по своим местам, а прежние обиды уступят место обоюдной заинтересованности. Сумели же 100 лет назад договориться даже

такие лютые враги, как советские большевики и британские капиталисты!

Необходимо отметить, что мы ни в коем случае не навязываемся в друзья. Мы готовы сотрудничать лишь на основе равноправия и взаимоуважения. Британцам же не следует переоценивать свою роль ни в истории России, ни в ее настоящем, ни в будущем. Не стоит забывать, что баланс сил в мире сместился на Восток. Кроме того, Соединенное Королевство переживает серьезный кризис, в том числе многолетнюю экономическую стагнацию. Это кризис идентичности и выбора дальнейшего пути. И антироссийская заикленность выглядит в этом контексте все больше как признак политического ослабления.

Великобритании нужно здраво посмотреть на свои возможности. Да, они довольно велики. Соединенное Королевство сегодня лидирует в разработке многих лекарственных препаратов, развито двигателестроение, конструирование и производство электроники, зеленая энергетика, сильны многие научные центры, Лондон пока еще остается мировым центром «финтех» и технологических «стартапов» по объему инвестиций, развивается коммерческая робототехника.

Однако во многих областях страна испытывает серьезные проблемы. Это видно по состоянию ряда отраслей промышленности, инфраструктуры, сферы мирного атома. Великобритании все сложнее выдерживать глобальное соревнование на фоне усиливающихся игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Без притока ресурсов извне, в т.ч. трудовых и интеллектуальных, уже невозможно представить ее будущее как главного международного центра финансовых и иных услуг – сектора, который сейчас сильно меняется под влиянием «цифровой революции». На фоне лавинообразного роста

конкуренции в этой сфере, лондонскому Сити в любом случае уготована роль пусть и крупной, но лишь одной из нескольких международных торговых площадок.

России есть что предложить и британским, и другим партнерам для взаимовыгодного обмена. Это не только природные ресурсы, но и самые передовые технологии, продукция высоких переделов, уникальные знания в разных областях. Примеры: атомная и водородная энергетика, металлургия и химия, спутниковая навигация, космос, авиа- и кораблестроение, инновации для здравоохранения, фундаментальная и академическая наука.

Обе наши страны самостоятельно разработали вакцины против коронавируса. Российский «Спутник V» доказал свою высочайшую эффективность. При колоссальной потребности мира в подобных препаратах открывается широкое поле для сотрудничества. Можно было бы, например, подумать и о совместном производстве, и комбинировании с Оксфордской вакциной для усиления действенности профилактических мер (эта идея прозвучала именно у британских специалистов), и скоординированных действиях по содействию развивающимся странам в борьбе с пандемией.

Искренне надеемся, что конъюнктурные политические игры определенного слоя британской элиты не скажутся негативно на английском деловом прагматизме и джентльменском духе. В конечном счете, это может подорвать привлекательность Великобритании не только для российского бизнеса, обернуться значительными прямыми потерями и упущенной выгодой для британской экономики.

И в заключение. Со стороны британских дипломатов нам часто приходится слышать вопрос: «С кем же Россия – с Западом или

Востоком, Европой и США или Китаем?». Откровенно говоря, он ставит в тупик своей чрезмерной схематичностью и, если хотите, зашоренностью. Ответ в современном мире может быть один: мы одновременно со всем международным сообществом и сами по себе. Россия полностью суверенна и ни под кого не подстраивается, но готова взаимодействовать в политике и экономике с любыми странами, которые демонстрируют добрую волю и здравый смысл. Ждем проявления этих качеств и с британской стороны. Надеемся, что совместные мероприятия в честь 100-летия первого советско-британского торгового соглашения не позволят коллегам на Уайтхолле позабыть этот как никогда актуальный пример здорового прагматизма в наших двусторонних отношениях.

Нечаев

Сергей Юрьевич

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Германии

О работе Посольства России в Берлине на военно-мемориальном направлении

Нет необходимости разъяснять причины, по которым российские загранучреждения в Германии отводят особую роль работе на военно-историческом и военно-мемориальном направлениях. Именно в германской столице была поставлена точка в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., унесшей 27 миллионов жизней советских людей. Тем выше ответственность за сохранение исторической правды о событиях тех лет, памяти воинов, отдавших жизнь за светлое будущее последующих поколений и покоящихся в немецкой земле, героическом подвиге советского народа, тружениках тыла, ценой нечеловеческих усилий обеспечивших нужды фронта.

В текущем году 80 лет траурной даты – дня вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз. Архивы свидетельствуют: 22 июня 1941 г. ранним утром советский посол в Берлине В.Г. Деканозов был вызван в министерство иностранных дел,

где ему было объявлено о начале войны. Сотрудники Посольства были интернированы во внутреннем дворе посольского комплекса, а позже обменены на сотрудников посольства Германии в Москве. Само Посольство нацисты цинично использовали под нужды министерства по делам Восточной Европы – ведомства одного из главных нацистских преступников А. Розенберга. Продолжалось это недолго, поскольку в результате бомбовых ударов союзников здание было полностью разрушено. После войны было возведено новое здание, где начался новый этап в истории нашего дипломатического присутствия в Германии.

Окончание войны принесло не только Победу над злейшим врагом, но и чувство горечи и утраты по погибшим – на поле боя, в концлагерях, на принудительных работах, от последствий бесчеловечных «медицинских» экспериментов нацистов.

Во времена ГДР вопросы советских воинских захоронений и ухода за ними относились к компетенции социалистического немецкого государства и решались в тесном сотрудничестве с советскими партнерами. После объединения Германии ситуация потребовала выработки новой правовой базы такого взаимодействия. Основой явилось подписанное 16 декабря 1992 г. Соглашение между Правительством РФ и Правительством ФРГ об уходе за военными могилами в РФ и ФРГ (вступило в силу 21 июля 1994 г.). Этим основополагающим двусторонним нормативным актом по сей день регламентируются административные, организационно-технические и правовые вопросы обеспечения сохранности воинских захоронений на территории каждой из сторон. Соглашение затрагивает могилы, появившиеся в результате двух мировых войн. Обязывает германскую

сторону за свой счет обеспечивать сохранение и уход за российскими (советскими) военными захоронениями.

Германская сторона в целом исправно выполняет свои обязательства в рамках Соглашения, что подтверждается по результатам регулярных контрольных проверок силами сотрудников РЗУ в Германии. В 2020 г. осуществлен мониторинг состояния 248 таких объектов. За счет германских бюджетных ассигнований по согласованию с Посольством отремонтированы 23 мемориальных объекта, осуществлялись восстановительные работы на всемирно известных и наиболее знаковых комплексах в Трептов-парке и Тиргартене. В поле постоянного внимания находились вопросы перезахоронения советских граждан. Значение, которое германская сторона придает этой работе, отчетливо видно на примере проведенной в 2018 г. церемонии перезахоронения военнослужащих Красной Армии в Лебусе, на которой присутствовали премьер-министр земли Бранденбург Д. Вайдке и президент Германского народного союза по уходу за военными могилами В. Шнайдерхан, а само событие освещалось в местных СМИ.

Наряду с этим российско-германское сотрудничество в военно-мемориальной сфере опирается на целый ряд международно-правовых документов:

- Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция), принята 12 августа 1949 г.;
- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), принят 8 июня 1977 г.;

- Письмо министрам иностранных дел четырех держав от имени Правительств ГДР и ФРГ (пункт 2), являющееся составной частью Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии;

- Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 г. (статья 18), в соответствии с которым ФРГ взяла на себя обязательства по их сохранению и уходу.

С целью совершенствования и систематизации работы на военно-мемориальном направлении в 2010 г. при Посольстве был создан Отдел по увековечению памяти погибших при защите Отечества, действующий под началом Министерства обороны Российской Федерации. В поле зрения его сотрудников находятся около 700 тысяч российских (советских) граждан, захороненных на территории Германии. Эти захоронения (около 4100) нуждаются в постоянном уходе. В этой связи коллеги решают целый ряд профильных задач, взаимодействуя с федеральными и местными германскими органами власти, архивными учреждениями, общественными организациями, волонтерскими движениями, рядовыми гражданами, которым небезразлична память о павших героях. Отмечаем позитивную роль, которую играют в этой работе организации российских соотечественников, проживающих в ФРГ.

В числе главных задач, которые ставят перед собой Посольство и генконсульства – составление полного перечня российских (советских) воинских захоронений на территории Германии. Цель этой работы – дать возможность родственникам погибших на полях сражений воинов самостоятельно искать могилы близких людей, участвовать в спасении их имен от забвения. В том числе благодаря этой деятельности из года в год растет число граждан России и наших соотечественников,

сумевших пролить свет на судьбу своих родственников и неизменно пополняющих ряды акции «Бессмертный полк». В этой связи показателен пример прошлого года, когда, несмотря на пандемию коронавируса и введенные в этой связи карантинные ограничения, созданная соотечественниками координационная группа движения организовала автопробеги и шествия с участием до 50 человек (согласно полученным от властей разрешениям) в Ганновере, Кельне, Магдебурге, Ростке, Эрфурте и Эссене. Тематический раздел «Бессмертного полка» на портале соотечественников «Русское поле» в день празднования Великой Победы 9 мая насчитал более 50 тыс. пользователей, а с учетом соцсетей к виртуальному формату акции подключились свыше 120 тыс. человек.

Важной составляющей работы в этом контексте является паспортизация и учет захоронений. Для каждого объекта оформляется паспорт воинского захоронения – это учетная карточка с информацией о его местонахождении, виде и состоянии. В него также вносятся сведения о количестве захороненных и их личные данные – фамилия, имя, отчество, воинское звание, год рождения и дата смерти. Паспорта проходят оцифровку и размещаются в интерактивном сервисе «Память народа» и ОБД «Мемориал», которыми могут воспользоваться как наши сограждане, так и иностранные специалисты и поисковики.

К большому сожалению, далеко не всем удастся найти сведения о павших родственниках. РЗУ охотно помогают российским гражданам, обратившимся с просьбой в установлении судьбы погибшего и розыске места захоронения. Наши сотрудники используют регулярные продуктивные контакты с представителями немецких и международных архивных и общественных организаций, в том числе

службой розыска Немецкого Красного Креста, Международной службой розыска и др. В прошлом году, несмотря на сложности, с которыми весь мир столкнулся в связи с пандемией коронавируса, обработано свыше 1,5 тыс. обращений наших граждан, а также запросов различных организаций по вопросу установления современных мест захоронений погибших советских военнослужащих, военнопленных и работников подневольного труда. По каждому из них была проделана исчерпывающая работа.

Посольство России в Берлине, генконсульства имеют давние традиции организации и проведения церемоний на территории Германии в память о героях Великой Отечественной войны. Пик таких мероприятий ежегодно приходится на годовщину Дня Победы и освобождения Европы от фашизма 9 мая. В этот день сотрудники нашего Посольства и других российских загранучреждений широко отмечают знаковую историческую дату в десятках германских городов и общин совместно с организациями соотечественников, местными НПО, профильными мемориальными комплексами, политическими партиями, региональными и местными властями. Неизменно нас поддерживают и представители дипмиссий стран СНГ, за что мы им искренне признательны.

Центральными мероприятиями в контексте празднования Дня Победы являются возложения венков к воинским мемориалам в берлинском Трептов-парке, Тиргартене и Панкове, где покоятся советские солдаты, павшие в ходе Битвы за Берлин. Почтить память погибших советских воинов приходят представители германских федеральных и земельных властей, внушительное количество местных жителей и гостей германской столицы. Наряду с этим у

Бранденбургских ворот нашими соотечественниками неизменно проводится шествие «Бессмертный полк». В представительских помещениях самого Посольства организуется прием с приглашением большого количества гостей – представителей германского правительства, городских властей, дипкорпуса, военных атташе, организаций антифашистов, различных НПО, проживающих в Германии ветеранов.

Ежегодно в апреле-мае Берлин с целью участия в торжественно-траурных акциях посещает большое количество российских ветеранских организаций, которым мы оказываем все необходимое содействие.

Жители германской столицы с теплотой воспринимают приезд как непосредственных участников войны, так и бывших военнослужащих, позже служивших в составе ЗГВ. В 2019 г. в Вюнсдорфе и Берлине с участием делегации МОО «Союз ветеранов войск в Германии» прошел цикл мероприятий, посвященный пребыванию советских/российских войск в Германии в 1945–1994 гг. и приуроченный к 25-летию вывода ЗГВ.

В прошлом году мы отмечали памятную дату – 75-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В условиях введенных федеральными и земельными властями Германии ограничительных мер в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции проведение торжеств в традиционно широком формате оказалось затруднено. В этой связи часть мероприятий и инициатив пришлось перенести в виртуальное пространство. Тем не менее, несмотря на объективные трудности, удалось достойно почтить память павших, провести десятки мемориальных акций, включая мероприятие на

Зееловских высотах, откуда 75 лет назад началась Берлинская стратегическая наступательная операция, и памятный концерт Хора Турецкого «Песни Победы» на берлинской площади Жандарменмаркт.

Важное содействие в организации и проведении акций нам оказывает коллектив Российско-Германского музея «Берлин-Карлсхорст», отмеченный благодарностью Президента Российской Федерации В.В. Путина за большой вклад в работу по увековечению памяти погибших защитников Отечества, сохранение исторической памяти о событиях и уроках Второй мировой войны.

Хотел бы отметить, что вклад Музея на этом поприще действительно уникален. Это относится как к постоянной экспозиции, отражающей решающий вклад Советского Союза в разгром нацизма, так и аутентичности самого объекта, сакральным элементом которого является сохраняемый в первозданном виде зал подписания Акта капитуляции, и прилегающей территории, на которой разместились парк боевой техники военных времен. Усилия по поддержанию экспозиции и позиционирование Музея обеспечивают ему известность, востребованность и посещаемость, в том числе молодежью.

Внушительную поддержку мы ощущаем и со стороны Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Это важный механизм двустороннего сотрудничества. Вклад Комиссии в дело научно выверенного отражения недавней действительности, без преувеличения, огромен и по-настоящему впечатляет. Итоги ее деятельности являются примером того, как в конкретной области должно быть налажено и как должно функционировать эффективное сотрудничество. За более чем два десятилетия была проделана солидная работа по изучению важных

событий общей истории. Глубокого уважения заслуживают результаты прояснения судеб военнопленных двух мировых войн, а также узников концлагерей и угнанных на принудительные работы в годы Великой Отечественной войны, создание совместного российско-германского учебника истории, многие другие проекты. На это нацелен и проект по оцифровке архивных материалов «Советские и немецкие военнопленные и интернированные», политический импульс реализации которого дали министры иностранных дел России и ФРГ принятием специального Совместного заявления 22 июня 2016 г. Конкретные результаты этой инициативы были представлены общественности в 2020 г. в преддверии 75-летия Победы и освобождения Европы от фашизма в ходе состоявшейся в Москве церемонии передачи российской стороне копий документов о судьбах тысяч советских военнопленных из фондов германских архивов.

В феврале 2020 г. Министром иностранных дел С.В. Лавровым в Мюнхене было положено начало церемонии награждения наших ветеранов-соотечественников юбилейной медалью «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», которую наши дипломаты продолжили в течение последующих месяцев.

С учетом сложной санитарно-эпидемиологической обстановки Посольством была развернута масштабная информработа в виртуальном пространстве. Наряду с активной и регулярной актуализацией наших новостных ресурсов в интернете, включая аккаунты в социальных сетях, мы разместили в глобальной сети большое количество материалов на военно-историческую тематику – исторические хроники, архивные материалы, тематические выставки. Это стало возможным благодаря поддержке, которую мы получаем по

линии Центрального Аппарата МИД России, РИО, РВИО, других российских учреждений. Ввиду отсутствия, в силу карантинных ограничений, возможности использовать ресурсы городских выставочных площадок и музеев мы организовали трансляцию экспозиций на мониторах, размещенных на фасадах нашего диппредставительства и Российского дома науки и культуры в Берлине. Стоит отметить большой интерес, проявленный жителями германской столицы к этим инсталляциям.

Важно заметить, что к мемориальной работе охотно подключаются учащиеся школы при Посольстве. Не по поручению, но по зову сердца они участвуют в творческих конкурсах, диктантах Победы, подключаются к другим памятным церемониям наряду с нашими дипломатами. Такая инициативность подрастающего поколения подкрепляет уверенность в том, что вопреки устремлениям некоторых наших оппонентов на Западе, память о событиях военных лет, павших героях и подвиге советского народа никогда не угаснет. Как отметил Президент России В.В. Путин в своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», «забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны».

*Будаев
Андрей Владимирович*
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Восточной
Республике Уругвай и наблюдатель
Российской Федерации при Комитете
представителей Латиноамериканской
ассоциации интеграции по
совместительству,
Кандидат политических наук¹

Русские первопроходцы в Бразилии

Ах, Рио...

Как много в этом слове для сердца русского слилось.

Немало в нем переплелось имен прославленных Отчизны,

Дорог тернистых, судеб сложных, с хранимой верой навсегда,

Как много здесь запечатлелось улыбок, счастья и тепла,

Трудов великих, слез страданья, надежд на лучшее сполна.

Освоение русскими Бразилии началось еще в середине XVIII столетия. Согласно историческим летописям, первым «визитером» Бразилии из известных нам русских людей был мичман Никифор Полубояринов, который по пути в Индию на английском корабле «Спикер» в июле августе 1763 г. останавливался в порту Рио-де-Жанейро. Свои впечатления он оставил в отчете, описав в нем этот

¹ В 2010 – 2015 гг. работал Генеральным консулом Российской Федерации в Рио-де-Жанейро (Бразилия), с 2016 по 2020 гг. – Послом России в Никарагуа и по совместительству в Сальвадоре и Гондурасе.

город и представителей местной фауны.

Вообще городу Рио-де-Жанейро принадлежит особая роль в истории российско-бразильских отношений. Во многом это обусловлено тем, что Рио без малого два столетия являлся столицей Бразилии (1763 – 1960 гг.). Но даже после переноса в 1960 году столицы в г. Бразилиа, этот город и по сей день по праву считается главным

*Старинная карта бухты
Рио-де-Жанейро*

центром туризма, культурной и артистической жизни страны. Присутствие россиян в Рио-де-Жанейро имеет богатые и давние традиции, оказав заметное влияние не только на развитие двусторонних связей, но и познание самой Бразилии, ее культурный и научный прогресс.

Практически все русские суда, совершавшие в первой половине XIX века дальние трансатлантические походы, в том числе по коммерческим надобностям в колонии Российско-американской компании, делали остановку в бразильских гаванях, прежде всего, в порту Рио-де-Жанейро. После долгого и трудного плавания участники экспедиций нуждались в отдыхе, пополнении запасов провианта и пресной воды, ремонте тех или иных повреждений на кораблях. Известный русский мореплаватель В.М. Головин писал, что порт Рио «как будто нарочно природою предназначен служить... местом отдохновения, постоянным двором...».

В 1804 – 1833 гг. порядка двух десятков судов под российским

флагом побывали в Рио-де-Жанейро. Среди них корабли «Суворов», «Кутузов», «Елизавета» и «Елена», военные шлюпы «Камчатка», «Восток», «Мирный», «Открытие» «Благонамеренный», «Бородино», «Аполлон», «Ладога», «Кроткий», «Сенявин», «Моллер», «Америка», фрегат «Крейсер», бриг «Рюрик». Всего за это время путешествия совершили около 1,5 тыс. человек, большинство из которых были матросами, канонирами, корабельными плотниками, кузнецами, слесарями, людьми, владевшими другими нужными профессиями. Лишь седьмую часть составляли морские офицеры, врачи, священники, купцы и натуралисты. Последние, как было принято, вели дневники,

Бриг «Рюрик»

описания, готовили донесения, письма, в которых фиксировали свои впечатления, мысли и восприятия от посещения этой далекой земли. Такую важную и полезную работу проделывали, например, великие мореходы И.Ф. Крузенштерн, В.М. Головин, командовавший «Камчаткой», декабрист Д.И. Завалишин, служивший мичманом на «Крейсере».

В первые заходы в залив Гуанабара, на берегах которого обустраивался г. Рио-де-Жанейро, российские путешественники испытывали некоторые затруднения в общении с местными жителями из-за языкового барьера. Но уже во время последующих посещений эта преграда была преодолена благодаря достаточно быстрому изучению русскими португальского или испанского языков.

Интересная деталь: к посланцам из России на берегах Бразилии с самого начала относились весьма благожелательно. Связано это

было с тем, что в отличие от англичан, французов, голландцев, испанцев и португальцев, наши мореплаватели никогда не позиционировали себя в качестве колонизаторов, а торговые дела вели без алчности и жажды к наживе. Так, командир «Благонамеренного» А.П. Лазарев писал: «... мы бываем везде принимаемы с особенной приязнью, какой никто из других наций не пользуется...». В качестве курьезного примера доброго отношения к русским людям можно привести выдержку из записки российского вице-консула П.П. Кильхена о «помощи, оказанной бразильским Императором русскому морскому офицеру, упавшему с лошади в Рио-де-Жанейро».

После победы над Наполеоном русские стали пользоваться еще большей популярностью за границей, включая Бразилию. В донесении на сей счет генконсула России в Рио-де-Жанейро Г.И. Лангсдорфа сообщалось: «Да здравствует Император Александр! Да здравствуют храбрые русские! – восклицают все, знающие, что я русский».

В тот период Бразилия еще не обрела независимости от Португалии, оставаясь одним из ее колониальных владений. Несмотря на это обстоятельство и значительную географическую удаленность, в России с интересом воспринимали эту экзотическую территорию, пытаясь наладить с ней выгодные связи.

Первые официальные представители Российской империи в Рио-де-Жанейро, хотя и не были этническими русскими, верой и правдой служили царю и Отечеству, внесли неоценимый вклад в становление связей между нашими двумя странами и в изучение самой Бразилии. Зарождение отношений России и Бразилии отмечено деятельностью целой плеяды талантливых и самоотверженных путешественников и дипломатов. Среди них особое место, бесспорно,

принадлежит Георгию Ивановичу (Георгу Генриху) Лангсдорфу и Францу Францовичу Борелю (барон Паленса). Первый из них, прибыв в Рио-де-Жанейро в 1812 г. в качестве второго российского генконсула, возглавил уникальную экспедицию во внутренние районы Бразилии, изучавшую местную флору и фауну и проводившую картографические зарисовки (1821 – 1829 гг.). Итогом экспедиции, признанной в мире одним из весомых научных достижений XIX века, стало более 2000 страниц рукописей, дневников, рисунков и карт. Считается, что исследования экспедиции Лангсдорфа до сих пор являются своеобразной «точкой отсчета» для бразильских геодезистов, антропологов, биологов и других специалистов.

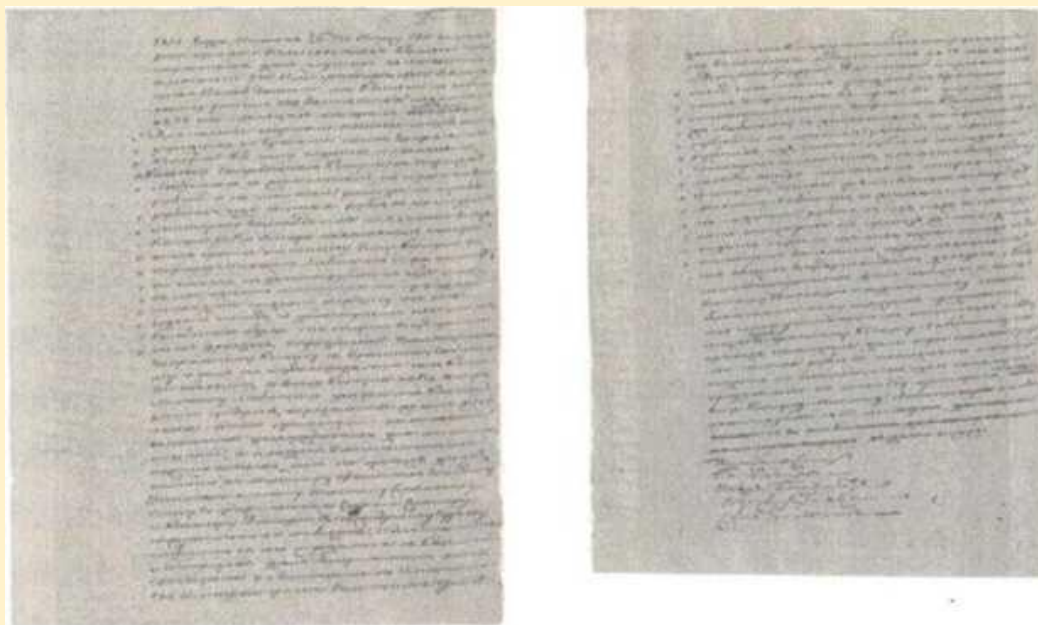
Император Александр I

В июле 2021 г. исполняется 210 лет со времени создания первого российского консульского представительства в Бразилии, ставшего ровесником отечественной консульской службы. В историческом измерении это событие имело важную международную проекцию, оказав существенное воздействие на вектор российского присутствия на латиноамериканском континенте.

Общеизвестно, что дипломатические отношения между Россией и Бразилией были установлены в 1828 году. Однако, пожалуй, только специалисты знают, что процесс становления связей между нашими странами начался 17 годами раньше, когда по старому стилю 18 июля, а по новому – 30 июля 1811 года Император Александр I назначил первого русского генконсула в г. Рио-де-Жанейро. Этому решению

предшествовала череда других исторических событий, предопределивших дальнейшее развитие контактов нашего государства с Бразилией.

*Указ Александра I о назначении генконсулом в Рио-де-Жанейро
К. К. Лабенского*

В 1807 г. принц-регент Португалии Жуан, спасаясь от наступления наполеоновских войск, бежал в Бразилию, а столица Португалии была временно перенесена в Рио-де-Жанейро.

В начале июля 1811 г. указом Государственной коллегии иностранных дел Российской Империи к португальскому двору в Рио-де-Жанейро был назначен российский посланник Федор Петрович Пален. Одновременно, русское правительство, придавая отдельное значение налаживанию торговых обменов с Бразилией, решило учредить в Рио-де-Жанейро свое Генеральное консульство. На посты генконсула и вице-консула были назначены соответственно братья Ксаверий и Михаил Лабенские, которые прибыли в Бразилию раньше императорской миссии во главе с Ф.П. Паленом и, таким образом, стали

первыми официальными российскими представителями в этой стране и в целом в Латинской Америке.

Примечательно, что Инструкция русского внешнеполитического ведомства предписывала генконсулу К.К. Лабенскому всеми средствами способствовать развитию русско-бразильской торговли, изучать возможности рынка Бразилии, спрос на традиционные русские товары, а также уделять внимание политическому положению в испанских колониях в Южной Америке, устанавливать связи с торговцами из этих колоний, убеждать их в выгодах непосредственной торговли с Россией и покровительства, которое они встретят со стороны русского правительства.

В качестве столицы португальской империи Рио-де-Жанейро оставался до апреля 1821 г., когда в связи с революционными событиями в Португалии король Жуан VI по требованию португальских кортесов вернулся в Лиссабон, оставив в Бразилии в качестве регента своего сына Педро. Тогда же в Португалию переехала и российская миссия, с отъездом которой между Россией и Бразилией до ноября 1827 г. подцеживались только консульские отношения.

Особое место в становлении российско-бразильских связей принадлежит упомянутому выше Ф.Ф. Борелю. Назначенный еще в 1809 г. начальником «Экспедиции консульских дел МИД России», он лично готовил проекты инструкций первому российскому генконсулу в Рио-де-Жанейро К.К. Лабенскому. Барон Паленса стал первым посланником (послом) Российской Империи в уже независимой Бразилии. За свою непродолжительную, но весьма продуктивную работу в Рио-де-Жанейро (1828 – 1832 гг.) он подготовил важные донесения, очерки и исследования по Бразилии, которые

рассматриваются специалистами как неоценимый источник по истории этой страны и российско-бразильских отношений. К сожалению, жизнь этого самоотверженного и высокопрофессионального дипломата, знатока финансов, экономики, торговли и политических реалий португалоязычных стран прервалась в январе 1832 года.

Хотелось бы отдать дань огромного уважения и памяти тем людям, которые стояли у истоков зарождения российско-бразильских связей, прикладывали огромные усилия, знания, профессионализм, подчас жертвуя своим здоровьем и жизнью, чтобы сблизить наши страны и народы.

Обращение к событиям того времени помогает воссоздать общую картину продвижения отношений между нашими странами, без знакомства с которой сложно понять и правильно оценивать сегодняшние процессы, тем более, делать прогнозы на будущее.

*Галузин
Михаил Юрьевич*
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Японии

Япония: ответ на COVID-19 и российско-японские отношения

Разразившаяся в начале 2020 г. пандемия новой коронавирусной инфекции стала поистине беспрецедентным вызовом для современной системы международных отношений: испытанию на прочность подверглись как отдельные государства, так и институты глобального управления. Обусловленные экспансией COVID-19 экономическая рецессия, рост безработицы, ограничение контактов между людьми оказали значительный трансформационный эффект на абсолютно все сферы жизни.

Японское руководство одним из первых в мире было поставлено перед необходимостью принятия мер по преодолению негативных последствий коронакризиса для жизни и здоровья граждан. Именно в Японии возник первый за пределами Китая кластер инфекции – круизный лайнер «Даймонд принцесс», вошедший в порт Иокогама.

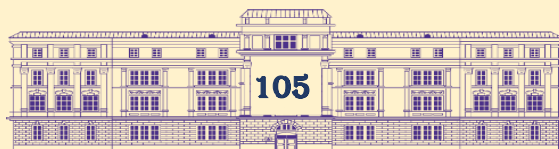
Уже 30 января 2020 г. был создан Штаб по противодействию новой коронавирусной инфекции под председательством премьер-министра¹. В марте 2020 г. парламент принял пакет поправок в Закон об особых мерах по борьбе с гриппом нового типа (2012 г.), в соответствии с которыми COVID-19 был внесен в перечень заболеваний повышенной опасности, что заложило правовую основу для введения правительством режима чрезвычайной ситуации (к настоящему времени объявлялся в отдельных регионах Японии дважды – с апреля по май 2020 г. и с января по март 2021 г.). К августу 2020 г. была разработана методология оценки эпидемиологической обстановки в стране².

Характерной особенностью японской противоковидной политики стало сочетание относительно мягких, до недавнего времени сугубо рекомендательных санитарных ограничений³ с развернутыми механизмами поддержки наиболее уязвимых категорий субъектов и секторов экономики. Такой подход администрации обусловлен сравнительно небольшим масштабом экспансии коронавируса в Японии (максимальный прирост заболевших в сутки в 2020–2021 гг. варьировался в пределах 4000–8000 чел., а в среднем составлял 1000–

¹ Об учреждении Штаба по противодействию новой коронавирусной инфекции. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/novel_coronavirus/th_siryou/konkyo.pdf

² Предусмотрено четыре уровня, определяемых по шести параметрам, учитывающим в том числе степень загруженности больничного коечного фонда, а также численность и скорость появления новых инфицированных. Подробнее: Материалы к 5-му заседанию Спецкомиссии при Правительстве Японии по выработке мер по противодействию распространению коронавируса (7 августа 2020 г.). URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/ful/bunkakai/corona5.pdf>

³ Речь идет о настоятельных призывах руководства страны ответственно подходить к соблюдению рестрикций, которые сводятся к двум базовым мерам: добровольному отказу от выхода из дома без крайней необходимости (включая перевод до 70% работников на удаленный формат) и сокращению рабочего времени заведений общепита и развлекательной сферы. Вместе с тем резкий рост заболеваемости в декабре 2020 г. – январе 2021 г. послужил стимулом к принятию в феврале 2021 г. закона об административной ответственности за уклонение от госпитализации и игнорирование директив по борьбе с коронавирусом.

3000 чел.)¹. Очевидно, что власти опирались и на традиционные законопослушность и дисциплинированность японцев.

Перспективы преодоления недуга здесь связывают прежде всего с вакцинацией населения. Пока собственные препараты для иммунизации все еще находятся в разработке, правительство всецело полагается на их импорт, в первую очередь – из США и Европы (заключены контракты с американскими Pfizer и Moderna, а также англо-шведский AstraZeneca на поставку 144 млн, 120 млн и 50 млн доз соответственно). Согласно составленному кабинетом министров графику, широкая прививочная кампания стартует летом 2021 г.²

Пандемия COVID-19 нанесла существенный удар по национальному хозяйству. По итогам 2020 г. ВВП Японии сократился на 4,8%, однако глубина спада оказалась меньше, чем во время финансового кризиса 2008-2009 гг. (-5,4%)³. Минимизировать негативное влияние удалось во многом за счет принятого правительством комплекса чрезвычайных монетарных мер объемом около 2,2 трлн долл. США⁴.

Кроме того, в целях обеспечения стабильного экономического роста и повышения конкурентоспособности страны на глобальных рынках Премьер-министр Ё. Суга в октябре 2020 г. объявил о планах

¹ Статистика заболеваемости COVID-19 в Японии. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/coronavirus/data-widget/#mokuji0>

² Госминистр Т.Коно заявил о планах завершить распределение вакцин для лиц старшего возраста по всей стране к концу июня 2021 г. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20210226/k10012886571000.html>

³ Обзор данных ВВП Японии. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/kakuhou/files/2019/tables/2019a1_jp.xlsx

⁴ О комплексе чрезвычайных экономических мер по борьбе с коронавирусом. URL: <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html>

проведения структурных реформ с упором на ускоренную цифровизацию и декарбонизацию¹.

Одним из ключевых направлений дипломатии Токио на начальном этапе пандемии стало обеспечение безопасности японцев, оказавшихся за рубежом и не имевших возможности вернуться на родину². В МИД был создан профильный штаб под руководством мининдел Т. Мотэги, в задачи которого вошли содействие эвакуации японских граждан (всего – около 12 тыс. человек из 101 страны), проведение информационно-разъяснительной работы, а также формулирование въездных-выездных ограничений³.

Помимо сугубо практической составляющей коронакризис оказал значительное влияние на расстановку внешнеполитических приоритетов островного государства. В 2020 г. в Японии – как и во многих других странах – наблюдался рост значения фактора здравоохранения в дипломатии. Хотя сама по себе данная проблематика сотрудничества традиционно занимает одно из важных мест как в двусторонней, так и в многосторонней повестках дня, пандемия кардинально повысила ее значимость, поставив в один ряд с вопросами развития экономики и обеспечения безопасности.

В русле такой логики Премьер-министр Ё. Суга в своем выступлении на открытии 75-й сессии ГА ООН в сентябре 2020 г. акцентировал важность «мультилатерализма» и глобальной солидарности в борьбе с экспансией COVID-19 и, напомнив о японской

¹ Выступление Премьер-министра Японии Ё.Суги в ходе 203-й сессии Парламента Японии. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhoyomei.html

² Голубая книга по дипломатии Японии 2020. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2020/pdf/pdfs/4_2.pdf

³ Подробнее: О действующих въездных-выездных ограничениях. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/cp/page22_003380.html#section3

концепции «безопасности человека» (human security) в преломлении к задачам обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения (universal health coverage), предложил сосредоточиться на трех направлениях¹.

Во-первых, коллективно поддерживать усилия по разработке лекарств и вакцин от COVID-19, а также гарантированию равного доступа к ним. На практике эта линия реализуется путем присоединения Японии к профильным многосторонним инициативам, в том числе COVAX, АСТ-А, CEPI, Gavi и т.п., предоставления более 40 государствам на безвозмездной основе по линии ПРООН считавшегося на определенном этапе противоковидным лекарственным средством «Авиган», выдвижения инициативы о создании пула патентов на медикаменты как от коронавируса, так и от иных малоизученных заболеваний².

Во-вторых, оказывать содействие развивающимся и наименее развитым странам в укреплении их национальных систем здравоохранения в целях подготовки к будущим эпидемиологическим вызовам путем предоставления медицинской аппаратуры, подготовки кадров³ и строительства больниц⁴.

В-третьих, выделить им в течение 2020–2022 гг. около 1,5 млрд долл. США для реализации комплекса мер по улучшению санитарно-гигиенических условий. Эта помощь уже направляется как по

¹ Выступление Премьер-министра Японии Ё.Суги на открытии 75-й сессии ГА ООН. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/fp/unp_a/page4_005200.html

² Пресс-конференция Премьер-министра Японии С.Абэ от 25 мая 2020 г URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2020/0525kaiken.html

³ Пресс-релиз по итогам саммита Япония-АСЕАН (ноябрь 2020 г.). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/asean/page1_000894.html

⁴ Пресс-релиз о церемонии открытия больницы «Сосна и сакура» в Стамбуле. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me1/tr/page6_000392.html

двусторонней, так и по многосторонней линиям через такие международные структуры, как ЮНИСЕФ, ПРООН, УВКБ.

Немаловажным аспектом усилий японской дипломатии по преодолению коронакризиса является предоставление в 2020–2022 гг. низкопроцентных иеновых кредитов на сумму около 4,5 млрд долл. США развивающимся государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Кроме того, в рамках реализации Инициативы о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга для стран с низким уровнем дохода (DSSI) Япония оформила соответствующие договоренности с Непалом, Папуа-Новой Гвинеей и Самоа.

В более широком геостратегическом контексте пандемия повлекла за собой оживленные дискуссии в местных политистеблишменте и экспертных кругах о будущем международных отношений и концептуальных основах «постпандемийного миропорядка». Фиксируя возросший уровень неопределенности в мировых делах, здесь склонны объяснять это распространением протекционистских практик, «попытками изменить статус-кво силовыми методами», появлением новых вызовов и угроз (в том числе в области экономбезопасности, космосе и киберпространстве). При этом в качестве универсального ответа на указанные тренды предлагается «мультилатерализм» с опорой на военно-политический союз с США¹. В качестве магистральных направлений японской внешней политики на ближайшую перспективу выделяются продвижение собственного видения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», поддержка принципов либеральной

¹ Выступление Министра иностранных дел Японии Т.Мотэги на открытии 204-й сессии Парламента Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/fp/pp/page3_002995.html

торговли и выработка ее правил путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений (по аналогии с профильными документами с ЕС, Великобританией, а также ТТП-11, ВРЭП)¹.

Несмотря на международную турбулентность и коронавирусные ограничения, российско-японские отношения в 2020 г. в целом продолжили поступательное развитие по широкому спектру направлений.

Удаленно поддерживались политические контакты, прежде всего на высшем и высоком уровнях. В мае, августе и сентябре 2020 г. состоялись телефонные разговоры лидеров России и Японии, в ходе которых была подтверждена обоюдная готовность продолжать конструктивное взаимодействие по актуальным вопросам двусторонней и международной повестки дня, сохраняя курс на продвижение всего комплекса связей на благо народов двух стран и в интересах обеспечения стабильности и безопасности в АТР. Намерение прилагать активные усилия для дальнейшего наращивания сотрудничества неоднократно подтверждали в своих беседах главы внешнеполитических ведомств.

Переход на дистанционные форматы коммуникации позволил не прекращать межправительственное взаимодействие как по межмидовскому каналу, так и по линии министерств и ведомств, а также поддерживать удовлетворительную динамику межрегионального сотрудничества, межпарламентских и межпартийных связей.

¹ Выступление Премьер-министра Японии Ё.Суги на открытии 204-й сессии Парламента Японии. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2021/0118shoshinhyomei.html

Важную роль в деле укрепления взаимопонимания и доверия, а также формирования благоприятной атмосферы в российско-японских отношениях продолжали играть культурно-гуманитарные обмены, традиционно отличающиеся устойчивостью к текущим вызовам и во многом перешедшие в онлайн.

Вместе с тем пандемия, к сожалению, не могла не сказаться на торговле и инвестициях. Двусторонний товарооборот в 2020 г. сократился на 20,4% и составил 16,16 млрд долл. США¹. В условиях сложной эпидемиологической обстановки отложено проведение таких важных мероприятий, как церемония открытия российско-японского Года межрегиональных и побратимских обменов и очередное заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

Основной сферой российско-японского экономического сотрудничества остается энергетика. На повестке дня – помимо многолетней кооперации по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» – целый ряд масштабных инициатив. В частности, продолжается работа по реализации «Арктик СПГ-2», прорабатывается возможность совместного строительства терминалов по перевалке СПГ в Мурманской области и Камчатском крае. В числе новых перспективных направлений – взаимодействие в области ВИЭ, в частности по производству и экспорту в Японию водородного топлива.

Развиваются связи в сферах транспорта и инфраструктуры. Серия тестовых контейнерных перевозок по Транссибу показала

¹ Итоги внешней торговли с основными странами. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511>

экономическую эффективность данного маршрута для увеличения поставок японских товаров на европейские рынки¹.

Серьезная научно-исследовательская база двух стран открывает перспективы кооперации по высокотехнологичным направлениям – микроэлектроника, робототехника, искусственный интеллект, генетика.

Экспансия коронавируса наглядно выявила необходимость дальнейшего наращивания взаимодействия в области здравоохранения. Успешный пример такой кооперации – разработка и производство весной 2020 г. российско-японской инновационной компанией «Эвотэк-Мирай геномикс» системы диагностики COVID-19 (при поддержке РФПИ и Японского банка международного сотрудничества). Кроме того, партнерам предложено обеспечить диверсификацию запасов вакцин за счет российских препаратов².

Еще один пример практического сотрудничества в контексте пандемии – помощь соотечественникам. Признательны японской стороне за конструктивный подход к взаимодействию с роспосольством и нашими генконсульствами в Японии в деле поддержания контактов и показания содействия 24 россиянам, находившимся на борту стоявшего на карантине в порту Иокогама лайнера «Даймонд принцесс». Кроме того, в условиях приостановки с конца марта 2020 г. регулярного и чартерного авиасообщения между Россией и Японией активно работали с центральными властями по консульским вопросам. В первую очередь это касалось продления виз

¹ Японская компания Hankyu Hanshin начнет перевозить грузы по Транссибу в Европу // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/10195475>

² Посол России в Японии рассказал о росте популярности "Спутника V" в стране. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10666397>

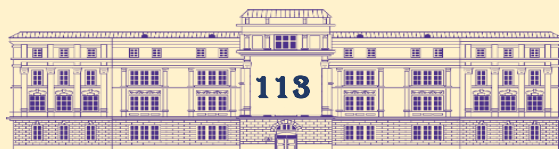
находившихся здесь росграждан, а также организации вывозных рейсов¹.

В целом, пандемия коронавируса стала катализатором многих трансформационных процессов в Японии, кардинально изменив векторы внутривнутриполитического и социально-экономического развития, а также дипломатической деятельности.

Во внешнеполитическом измерении отчетливо проявилась безальтернативность многосторонних усилий по укреплению системы глобального здравоохранения с акцентом на оказание содействия наиболее уязвимым с точки зрения эпидемиологической устойчивости развивающимся государствам.

Конечно, пандемия сказалась и на российско-японских отношениях. Вместе с тем мы удовлетворены тем, что между Москвой и Токио достигнуто взаимопонимание в пользу скорейшего возобновления привычной динамики очных контактов после победы над COVID-19. Рады, что во взаимодействии с Японией созданы добротные заделы для продолжения масштабной работы, нацеленной на развитие двусторонних связей в посткоронавирусную эпоху.

¹ Всего с 27 марта по 11 сентября 2020 г. было организовано 22 вывозных рейса из Токио в Москву, Санкт-Петербург, Владивосток и Южно-Сахалинск. В общей сложности в Россию было перевезено 2359 человек, включая 2035 россиян.

Воробьева
Людмила Георгиевна
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Индонезии

Российско-Индонезийские отношения: от прошлого к будущему

Отношения России и Индонезии имеют глубокие исторические корни, традиционно основываются на принципах крепкой дружбы, взаимного уважения и доверия. Познакомиться с самобытным краем голландской Ост-Индии нашим соотечественникам удалось еще в XIX веке, когда российские морские экспедиции стали посещать острова архипелага. В 1806 г. к индонезийским берегам подходили парусники «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, совершавшие первое российское кругосветное плавание, а в 1818 г. – бриг «Рюрик» с научной экспедицией во главе с известным отечественным мореплавателем О.Е. Коцебу. Весьма ценными были результаты океанологических опытов в Яванском море экспедиции выдающегося русского флотоводца С.О. Макарова на корвете «Витязь» (1886 – 1889 гг.). Во второй половине XIX – начале XX веков на Яве и других островах архипелага работали видные

русские ученые и естествоиспытатели Н.Н. Миклухо-Маклай, А.И. Воейков, В.А. Караваев.

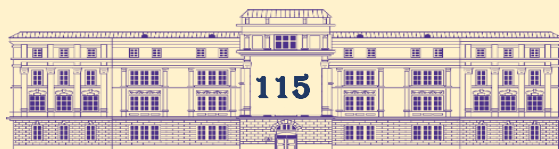
Подтверждением большого внимания, которое уделялось в России поддержанию контактов с индонезийцами, стало учреждение в 1894 г. первого штатного русского консульства в Ост-Индийской столице Батавии. Незадолго до этого – в 1890 г. – здесь бросили якоря русские корабли «Память Азова» и «Владимир Мономах», на борту которых находился в своем восточном путешествии цесаревич Николай II – будущий русский император.

После провозглашения независимости Индонезии в 1945 г. СССР оказывал молодому государству всемерную поддержку. Во многом благодаря усилиям нашей страны в ООН 27 декабря 1949 г. был признан суверенитет Индонезии над большинством территорий Нидерландской Ост-Индии. 25 января и 3 февраля 1950 г. состоялся обмен телеграммами между министрами иностранных дел об установлении дипотношений.

Основы крепкой дружбы между нашими народами после обретения Индонезией суверенитета были заложены главами двух государств – Н.С. Хрущевым и Сукарно. Последний четырежды посещал СССР, с визитом на архипелаг приезжал и советский лидер.

Несмотря на сложный период 60-х – 80-х гг. прошлого века, наши отношения смогли пройти проверку на прочность, сохранив характер партнерства и взаимоуважения.

С визита в Россию в 2003 г. дочери Сукарно, Мегавати Сукарнопутри, началась новая глава в развитии двусторонних связей. Именно тогда была подписана Декларация об основах дружественных и партнерских отношений между Российской Федерацией и

Республикой Индонезией в XXI веке, ставшая основным рамочным документом, определившим ключевые векторы комплексного российско-индонезийского взаимодействия. Сегодня на повестке дня – вывод нашей кооперации на уровень стратегического партнерства. Над этой задачей мы с индонезийскими друзьями продолжаем энергично работать.

В нынешние трудные времена, связанные с пандемией COVID-19, Российская Федерация оказывает содействие Индонезии в борьбе с коронавирусной инфекцией. Так, в апреле 2020 г. в Джакарту компанией ООО НТФФ «Полисан» была доставлена партия медикаментов для лечения пациентов с тяжелой и средней формой заболевания. Сейчас в активной стадии находится процесс регистрации на территории страны российской вакцины «Спутник V».

Значительный импульс развитию двусторонних отношений придало празднование 70-летия установления дипломатических отношений, которое отмечалось в 2020 г. К этому юбилею мы подошли с солидным багажом достижений. Налажен регулярный контакт между лидерами наших стран, Активно развивается политический диалог на всех уровнях, сотрудничество в области безопасности, антитеррора, ВТС, образования и культуры, а также здравоохранения.

Высокий уровень взаимодействия сложился по линии парламентов двух стран. На регулярной основе проходят встречи руководства палат законодательных органов, успешно функционируют профильные группы дружбы. В 2014 г. Индонезию посетила Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, в 2018 г. в Москве побывал Председатель

Совета Представителей Регионов У. Сапта, который выступил на пленарном заседании российского Сената.

Дорожим сложившимися плотными контактами между дипломатическими ведомствами России и Индонезии. В основе нашего внешнеполитического взаимодействия – совпадение или близость подходов к ключевым проблемам современности. В данном контексте особо показательна эффективная координация усилий на многосторонних площадках, прежде всего в ООН, где Джакарта в 2019–2020 гг. была непостоянным членом Совета Безопасности.

Контакты между нашими странами продолжают укрепляться и в рамках АСЕАН, отношения с которой в 2018 г. вышли на уровень стратегического партнерства. Признательны партнерам за результативную работу в качестве действующего координатора российско-асеановского диалогового партнерства.

Высоко оцениваем интерес Джакарты к интеграционным процессам на евразийском пространстве. Подтверждением этому служит подписание в 2019 г. Меморандума о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Индонезии. Несмотря на пандемию, диалог на данном треке продолжается: в марте с.г. состоялось 2-е заседание совместной исследовательской группы для изучения целесообразности заключения соглашения о свободной торговле ЕАЭС–Индонезия.

Высокой оценки заслуживает деятельность Российско–Индонезийской совместной комиссии по торгово–экономическому и техническому сотрудничеству под руководством сопредседателей Министра торговли и промышленности России Д.В. Мантурова и Министра–координатора по вопросам экономики Индонезии

А. Хартарто, в рамках которой функционирует семь рабочих групп. Невзирая на трудности, связанные с эпидемией коронавируса, российско-индонезийский торговый оборот практически не уменьшился, составив 2,4 млрд долл. США. При этом имеющийся потенциал значительно больше – в настоящее время мы работаем над поставленной президентами двух стран задачей его вывода на отметку в 5 млрд долл.

На территории Индонезии реализуется ряд совместных инвестиционных проектов. Самый крупный из них – строительство НПЗ в провинции Восточная Ява по линии ПАО «НК «Роснефть». Открываются хорошие возможности для сотрудничества в контексте анонсированных президентом Индонезии Дж. Видодо планов переноса столицы в провинции Восточный Калимантан.

Кроме того, к числу перспективных областей взаимодействия можно отнести энергетику, авиа- и судостроение, сферу высоких технологий и др. Солидный потенциал наработан в области взаимных поставок сельскохозяйственной продукции. Готовы делиться с индонезийскими друзьями своим опытом в развитии ядерной энергетики. В целом, исходим из того, что в наших общих интересах не только сохранять набранный темп практической кооперации, но и сделать все необходимое для дальнейшего развития деловых связей.

Высокий уровень взаимного доверия создает благоприятную атмосферу для наращивания контактов в военной и военно-технической областях. Министр обороны Индонезии П. Субианто с момента его назначения на указанную должность в октябре 2019 г. дважды побывал в России, в т.ч. для участия в торжественных мероприятиях, посвященных празднованию 75-летия Победы в

Великой Отечественной войне. Регулярно проводятся встречи высшего командного состава, российские военнослужащие участвуют в многосторонних учениях в Индонезии. В декабре 2020 г. в г. Сурабая (провинция Восточная Ява) заходили корабли Тихоокеанского флота. В настоящее время прорабатывается возможность установки мемориальной доски у памятника советской подводной лодке в этом втором по величине городе страны.

Важной составляющей оборонного взаимодействия остаются поставки российского вооружения и военной техники. Ключевым механизмом координации усилий на данном направлении является двусторонняя Межправительственная комиссия по ВТС. В целом высокое качество отечественной техники и ее конкурентоспособная стоимость обеспечивают высокий интерес к ней со стороны наших индонезийских партнеров. В этой связи Россия по-прежнему является одним из главных поставщиков вооружений в Индонезию.

С особым удовлетворением хотела бы отметить развитие гуманитарных связей. В октябре 2018 г. был дан запуск регулярным прямым авиарейсам по маршруту Москва-Денпасар-Москва, которые выполняет компания «Россия». В частности, благодаря этому за последние годы в 2 раза удалось увеличить количество российских туристов до 160 тыс. чел. При этом до пандемии COVID-19 турпоток продолжал расти: только в январе-феврале 2020 г. Индонезию посетили почти 50 тыс. соотечественников.

Огромный интерес среди индонезийской общественности вызывают проводимые Посольством онлайн-конкурсы на знание русского языка, литературы и географии нашей страны, национальной кухни и др.

Свидетельством дружественного характера российско-индонезийских отношений стало открытие в марте с.г. в Джакарте памятника Ю.А. Гагарину. Примечательно, что такие слова, как «Спутник» и «Гагарин», а также имя «Юрий» были очень популярны в Индонезии в 1960-70-х гг. и пользуются популярностью до сих пор.

Большой потенциал имеется в сфере образования. В настоящее время наша страна предоставляет 161 государственную стипендию для обучения индонезийских студентов в российских вузах, однако число кандидатов в разы превышает выделенную квоту. Сегодня высшее образование в России получают более 600 студентов из Индонезии.

Активно осуществляются культурные обмены: российская сторона регулярно проводит на архипелаге тематические выставки, хорошей традицией стали ежегодно организуемые партнерами в Москве «Фестивали Индонезии». В настоящее время прорабатываем возможность размещения одной из экспозиций Государственного музея Востока в Национальной галерее Джакарты.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что накопленный потенциал двустороннего взаимодействия создает хорошую базу для вывода отношений на уровень стратегического партнерства. При этом с радостью хотела бы отметить, что молодое поколение индонезийцев с большим интересом относится к России, ее истории, культуре, активно посещает нашу страну, знакомится с ее обычаями и традициями. Надеемся, что теплые дружеские связи между Россией и Индонезией будут крепнуть и далее. Залог успеха здесь – объединяющее народы двух стран чувство взаимного уважения и симпатии, которые остаются неизменными. Видим в этом прочную

основу для новых достижений в совместной плодотворной работе с нашими индонезийскими партнерами.

ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Яковенко

Александр Владимирович

Доктр юридических наук, профессор
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Ректор Дипломатической академии
МИД России

Об особенностях дипломатического протокола в пандемию

Даже в пандемию дипломатическая жизнь в Москве практически не прерывалась. Но она стала другой. Возросло число видеозвонков. МИД России стал сообщать о телефонных разговорах, состоявшихся в Москве с Послами. Приостановлена практика проведения многолюдных приемов. Хотя при этом ряд посольств устраивали очень узкие дипломатические рауты для небольшого круга гостей со всеми предосторожностями. Ланчи и ужины стали организовываться в ограниченном составе: максимум – 10 человек с супругами, это всего 5 пар. Наиболее частый формат – 4–6 человек. Существенно увеличилось расстояние между гостями.

Официанты и обслуживающий персонал строго в масках и перчатках. Перед ужином подаются влажные салфетки с антисептиком. Гости, как правило, прибывают в посольства в масках, правда, мало кто в перчатках. Далее по ситуации. Если площадь помещений позволяет, то их даже снимают.

Правилом хорошего тона стал ПЦР (тест на COVID-19) перед протокольным мероприятием, о результатах которого секретари приглашенных гостей сообщают помощникам Послов.

Если что-то не так, участие в протокольном мероприятии отменяется. Кстати, даже если у кого-то легкий насморк, встреча может быть отменена или перенесена на более поздний срок. Это воспринимается с пониманием, как знак уважения ко всем.

Водители, помощники гостей должны всегда носить маски и перчатки. Это стало общепризнанным правилом.

Как известно, англичане в свое время начинали разговор с погоды – хорошая нейтральная тема. Сейчас все начинают общение с обсуждения последних новостей о пандемии, вакцинах, прививках и всем, что с ними связано. И, конечно, рукопожатия стали другими, они заменены на касания локтями, прочно превратившись пусть во временную, но все же новую протокольную традицию.

Постепенно эти новые нормы, будем надеяться, сойдут на нет, но, думаю, что маски и перчатки для официантов, водителей останутся еще надолго. Если же кто-то пренебрег правилом хорошего тона, заявляя, что он уже, мол, переболел, того могут больше и не пригласить.

Дипломатическая служба и практика 2021. № 2 (2)

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77 – 78891 от 8.09.2020 г.

Опубликовано 5.04.2021

Ответственный редактор
Проректор по вопросам повышения квалификации и
профессиональной переподготовки,
почетный профессор Дипломатической академии МИД России
канд. ист. наук М.Г. Троянский

Ответственный секретарь
Начальник Редакционно-издательского отдела
канд. ист. наук С.М. Гаврилова

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Контакты:
dsp@dipacademy.ru
